

**ДЕЛО «САНДИ ТАЙМС» (THE SUNDAY TIMES) против СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА**

Постановление суда от 26 апреля 1979 г.

В деле «Санди таймс (Sunday Times)»,

Европейский суд по правам человека, принимая свое решение на пленарном заседании, в соответствии со статьей 48 Регламента Суда, и будучи составлен из следующих судей:

г-н Дж. Балладоре Паллиери, Председатель,

г-н Г. Виарда,

г-н Г. Мослер,

г-н М. Зекиа,

г-н Й. Кремона,

г-н П. О'Донохью,

г-жа Х. Педерсен,

г-н Тор Вильямсон,

г-н Р. Риссдал,

г-н В. Гансхоф ван дер Меерш,

сэр Джеральд Фицморис,

г-жа Д. Биндшедлер-Роберт,

г-н Д. Эвригенис,

г-н П.-Х. Тейтген,

г-н Г. Лагергрэн,

г-н Л. Лиш,

г-н Ф. Гелчюкю,

г-н Ф. Матчер,

г-н Ж. Пинейро Фаринья,

г-н Э. Гарсиа де Энтерриа,

а также г-н М.-А. Эйссен, секретарь, и г-н Х. Петцольд, заместитель секретаря,

Проведя 30 ноября - 2 декабря 1978 г. и 27-29 марта 1979 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 29 марта 1979 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело «Санди таймс» было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (в дальнейшем - Комиссия). Оно было возбуждено по жалобе против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поданной в Комиссию 19 января 1974 г. издателем (компанией «Таймс ньюспейперс лтд.»), редактором (г-ном Гарольдом Эвансом) и группой журналистов британской еженедельной газеты «Санди таймс», в соответствии со статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в дальнейшем - Конвенция).

2. Запрос Комиссии, к которому прилагался доклад, предусмотренный в статье 31 Конвенции, был подан в канцелярию Суда 15 июля 1977 г. в течение трехмесячного срока, установленного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции. Он основывался на статьях 44 и 48 Конвенции и на декларации, в которой Соединенное Королевство признало обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса Комиссии было получение решения Суда по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции, взятой отдельно либо в сочетании со статьей 14 или статьей 18.

3. В состав Палаты из семи человек, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли сэр Джеральд Фицморис как избранный судья британской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Дж. Балладоре Паллиери как Председатель Суда (статья 21 п. 3 Регламента Суда). 28 июля 1977 г. в присутствии секретаря Председатель путем жеребьевки назначил 5 остальных членов Палаты, а именно: г-на Г. Мослера, г-на М. Зекиа, г-на П. О'Донохью, г-на Р. Риссдала и г-на Ж. Пинейро Фаринья (заключительная часть статьи 43 Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента).

Г-н Балладоре Паллиери вступил в должность Председателя Палаты в соответствии с п. 5 статьи 21 Регламента.

4. Председатель Палаты через секретаря установил позицию представителя правительства Соединенного Королевства (в дальнейшем - «Правительство») и представителей Комиссии относительно процедуры судебного производства. Приказом от 15 сентября 1977 г. он постановил, что представитель Правительства должен до 14 февраля 1978 г. подать памятную записку, на которую представители Комиссии имеют право ответить своей памятной запиской в двухмесячный период с того дня, когда секретарь Суда передаст им памятную записку представителя Правительства.

Памятная записка Правительства была получена судебной канцелярией 8 декабря 1977 г. 10 февраля 1978 г. представители Комиссии передали в Суд памятную записку, которая была подана им от имени заявителей; представители Комиссии указали, что на данной стадии судебного разбирательства они не желают излагать свою собственную точку зрения или комментировать памятную записку заявителей, однако сохраняют за собой право сделать это на стадии устного разбирательства дела.

5. Проведя через заместителя секретаря консультации с представителем Правительства и представителями Комиссии, Председатель своим приказом от 16 марта 1978 г. назначил начало устного производства на 24 апреля 1978 г. Приказом от 20 марта 1978 г. он разрешил представителю Правительства подать дополнительную памятную записку не позднее 7 апреля 1978 г.; такая памятная записка поступила в судебную канцелярию 6 апреля 1978 г.

13 апреля секретарь Комиссии передал Суду письмо, которое заявители направили в его адрес 10 апреля, а также ряд документов, которые были вложены в это письмо.

6. Слушания дела проводились публично во Дворце прав человека в Страсбурге 24 и 25 апреля 1978 г.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства -

г-н Д. Андерсон, юрисконсульт, Министерство иностранных дел и по делам Содружества,
- Представитель,

достопочтенный Питер Арчер, член парламента, королевский адвокат, заместитель
Генерального атторнея, - Адвокат,

г-н Н. Братза, барристер, - Адвокат,

г-н Р. Рикс, юрисконсульт казначейства, - Советник,

г-н М. Сондерс, служащий судебного ведомства, - Советник;

(b) со стороны Комиссии -

г-н Й. Фосет, - Главный представитель,

г-н Й. Кустерс, - Представитель,

г-н Й. Фровейн, - Представитель;

г-н А. Лестер, - Королевский адвокат,

г-н А. Уитакер, - Юрисконсульт «Таймс ньюспейперс лтд.», оказывавший помощь
представителям в соответствии со вторым предложением п. 1 статьи 29 Регламента Суда.

Суд выслушал обращения и заявления г-на Арчера со стороны Правительства; г-на Фосета, г-на Фровейна и г-на Лестера со стороны Комиссии, а также ответы г-на Лестера на вопросы, заданные ему отдельными судьями. Во время судебных слушаний Комиссия предоставила в распоряжение Суда ряд дополнительных материалов, которые были получены ей от заявителей.

7. 25-27 апреля Палата провела совещания при закрытых дверях.

На состоявшемся 27 октября 1978 г. в Страсбурге закрытом совещании Палата, «учитывая, что дело поднимает серьезные вопросы, касающиеся толкования положений Конвенции...», приняла решение уступить юрисдикцию в пользу пленарного заседания Суда, в соответствии со статьей 48 Регламента.

Получив через секретаря Суда согласие представителя Правительства и представителей Комиссии, Суд 30 ноября решил продолжить разбирательство дела без проведения дальнейшего устного производства (статья 26 Регламента).

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

Исторические сведения

8. В период между 1958 и 1961 гг. компания «Дистиллерс (биокемикал) лтд.» (в дальнейшем - «Дистиллерс») производила и продавала по лицензии в Соединенном Королевстве лекарственные средства, в состав входил талидомид - вещество, которое изначально было разработано в Федеративной Республике Германии. В частности, эти лекарства прописывались в качестве успокоительного беременным женщинам. В 1961 г. у

ряда женщин, принимавших такие лекарства во время беременности, родились дети с серьезными физическими недостатками; со временем число таких случаев достигло 450. В ноябре того же года компания «Дистиллерс» отозвала с британского рынка все препараты, содержащие талидомид.

9. В период между 1962 и 1966 гг. родители семидесяти детей с физическими недостатками обратились с судебными исками к компании «Дистиллерс» как от своего имени, так и от лица своих детей. Они утверждали, что причиной физических изъянов у их детей явилось воздействие на плод препарата *талидомид*, прописанного матерям во время беременности; обвиняли компанию «Дистиллерс» в небрежности при производстве и продаже медикаментов, а также выдвигали требования о возмещении нанесенного ущерба. Компания «Дистиллерс» отвергала обвинения в небрежности и оспаривала правовые основания исков. Еще ряд исков против компании «Дистиллерс» было подано лицами, которые утверждали, что они страдают периферическим невритом вследствие приема произведенных ею лекарств.

65 из 70 возбужденных родителями дел были урегулированы в 1968 г. в результате переговоров между адвокатами сторон. В 62 случаях дети еще были живы, и поэтому урегулирование должно было быть одобрено судебными органами; такое одобрение было получено. Основой для урегулирования стала схема, согласно которой каждый из истцов, отозвавших свой иск о небрежности, получал от компании «Дистиллерс» единовременную выплату в размере 40% от той суммы, которая причиталась бы ему в случае выигрыша судебного процесса. Дальнейшее разбирательство в Высоком суде правосудия в 1969 г. касалось оценки понесенного ущерба в делах, урегулированных по вышеописанной схеме. В результате компания «Дистиллерс» выплатила около 1 000 000 фунтов стерлингов по 58 искам. Еще два иска были урегулированы иным образом, а в двух остающихся на июль 1973 г. делах ещё не были завершены переговоры по вопросу о размере компенсации.

10. Проведенное в 1968 г. урегулирование не затронуло пять из семидесяти первоначальных исков, т.к. они были возбуждены по истечении трехлетнего срока, установленного английским законодательством. Впоследствии суд дал разрешение на возбуждение уголовных дел по прошествии установленного срока не только в этих пяти случаях, но и в отношении других 261 исков, поданных родителями или опекунами других детей с физическими недостатками. Кроме того, в компанию «Дистиллерс» было передано уведомление о еще 123 исковых заявлениях, в отношении которых по соглашению сторон было принято решение не начинать официального судопроизводства. Таким образом, к 1971 г. в процессе рассмотрения находилось 389 исков против компании «Дистиллерс». За исключением искового заявления в одном из случаев и возражений по другому иску, поданных в 1969 г., по тем делам, в которых было начато судебное преследование, не предпринималось никаких дальнейших действий. В феврале 1968 г. компания «Дистиллерс» объявила о своем намерении выделить значительные средства для выплаты компенсации остающимся 389 истцам; обе стороны стремились прийти к соглашению во внесудебном порядке. В сущности, дело затронуло крайне трудные юридические вопросы английской правовой системы. Если хотя бы один из исков стал разбираться в суде, то его рассматривал бы профессиональный судья без участия присяжных.

В 1971 г. по предложению компании «Дистиллерс» были начаты переговоры об учреждении благотворительного трастового фонда для детей с физическими недостатками, кроме тех, кто уже получил компенсацию в результате достигнутого в 1968 г. соглашения. Предложение обуславливалось тем, что его должны были принять все родители, однако пятеро из них отказались пойти на это, причем по меньшей мере один -

на том основании, что выплаты из фонда проводились бы не всем одинаково, а в зависимости от финансового благосостояния семей. Обращение родителей, согласившихся с предложением компании, с просьбой о замене пяти несогласных государственным поверенным в качестве заступника, было отклонено Апелляционным судом в апреле 1972 г. На следующем этапе переговоров первоначальное условие было заменено требованием о том, чтобы с предложением согласилось «подавляющее большинство» родителей. К сентябрю 1972 г. был подготовлен проект соглашения, предусматривающий учреждение доверительного фонда в размере 3 250 000 фунтов стерлингов; ожидалось, что в октябре он будет представлен на утверждение судебных органов.

11. Сообщения и статьи о детях, родившихся с физическими недостатками, стали регулярно появляться в «Санди таймс» начиная с 1967 г., а в 1968 г. газета позволила себе ряд критических выступлений в адрес достигнутого в том году мирового соглашения. Рассказы об обстоятельствах этого дела появлялись также в других газетах и на телевидении. В частности, в декабре 1971 г. газета «Дейли мейл» опубликовала статью, которая вызвала недовольство у родителей, посчитавших, что она ставит под угрозу проводимые переговоры об урегулировании; в официальном письме Генеральный атторней «предупредил» газету «Дейли мейл» о возможности применения к ней санкций в соответствии с действующими нормами о неуважении к суду, однако фактически дело о неуважении к суду в данном случае возбуждено не было. 24 сентября 1972 г. газета «Санди таймс» опубликовала статью под заголовком «Наши талидомидные дети - причина национального позора». В ней анализировались обсуждавшиеся в тот период предложения об урегулировании, которые были названы «абсурдно непропорциональными нанесенным увечьям»; подвергались критике различные аспекты английского права о возмещении и оценке понесенного ущерба по искам о возмещении личного ущерба, выражалось недовольство в связи с проволочками в разбирательстве дела и содержался призыв к компании «Дистиллерс» выступить с более щедрым предложением. Ниже приводится один отрывок из данной статьи:

«...Талидомидные дети - позор для компании «Дистиллерс» ...бывают случаи, когда настаивать на букве закона не менее постыдно, чем нарушать законные права других лиц. В предлагаемом соглашении речь идет о сумме в 3 250 000 фунтов стерлингов, которая должна быть выплачена в течение 10 лет. Что это такое по сравнению с прошлогодней прибылью в размере 64,8 миллионов фунтов стерлингов или активами компании, оцениваемыми в 421 миллион фунтов стерлингов? Вовсе не призывая компанию «Дистиллерс» признать себя виновной в небрежности, мы считаем, что она может и должна пересмотреть свою позицию».

В сноске к статье указывалось, что «в следующей статье «Санди таймс» проследит историю трагедии». 17 ноября 1972 г. апелляционное присутствие отделения Королевской скамьи Высокого суда правосудия удовлетворило ходатайство Генерального атторнея о судебном запрете анонсированной статьи на том основании, что она представляет собой неуважение к суду (см. п. 17-35 ниже, где резюмируется содержание проекта статьи и дается подробный отчет о рассмотрении дела о неуважении к суду).

12. Хотя намечаемая к выходу статья, таким образом, не была напечатана, «Санди таймс» в октябре опубликовала ряд репортажей о «талидомидных детях» и законах о возмещении личного ущерба. Данные материалы вызвали широкий резонанс у общественности, в прессе и на телевидении. Некоторые радио- и телепрограммы были отменены после получения официального предупреждения о том, что их показ будет считаться неуважением к суду; однако судебное преследование было начато только в отношении одной телевизионной программы о плачевной участи детей, показанной 8 октября 1972 г.

По утверждению Генерального атторнея, эта программа была направлена на то, чтобы оказать давление на компанию «Дистиллерс» и заставить ее увеличить размер компенсации. 24 ноября 1972 г. отделение Высокого Суда постановило (*Генеральный атторней против «Лондон уик-энд телевизион лтд.»*), что неуважение к суду место не имело, поскольку не было установлено, чтобы телевизионная компания вынашивала умысел оказать влияние на незаконченное судебное разбирательство, а в сложившихся обстоятельствах единичный показ этой программы не создавал «серьезной опасности» вмешательства в процесс отправления правосудия. Суд выделил дело о готовящейся статье в «Санди таймс» по той причине, что в ней редактор ясно указал, что он осознанно стремится убедить компанию «Дистиллерс» заплатить большую сумму.

13. В Палате общин спикер неоднократно отказывался ставить на обсуждение вопросы, касающиеся трагедии с талидомидом. Однако 29 ноября 1972 г. этот вопрос был подробно обсужден Палатой, в результате чего она призвала компанию «Дистиллерс» взять на себя моральные обязательства и учредить трастовый фонд для детей с физическими недостатками. Вскоре после этого компания «Дистиллерс» увеличила размер намечаемого трастового фонда с 3 250 000 до 5 000 000 фунтов стерлингов. Широкую дискуссию вызвал вопрос о том, способно ли принятие новых законодательных предложений снизить давление на компанию «Дистиллерс» и/или родителей. Кроме того, Палата обсудила систему социального обеспечения детей и инвалидов в целом, а также систему выдачи официальных разрешений на новые лекарственные препараты. В ходе дискуссии прозвучали выступления в поддержку действий «Санди таймс» и критические отзывы в адрес законодательства и юристов. Вопрос о правовой ответственности компании «Дистиллерс» не обсуждался, в отличие от вопроса о моральной ответственности. В то же время, было указано на ряд оставшихся незамеченными фактов и на отсутствие общепринятой практики проведения исследований на утробных плодах, когда талидомид впервые появился на рынке. Аналогичные указания содержались и в проекте статьи в «Санди таймс». В заключение дискуссии Палата, «озабоченная печальной участью, постигшей талидомидных детей, и проволочками в деле достижения мирового соглашения», отдала дань уважения инициативам Правительства по улучшению социального обеспечения инвалидов и приветствовала взятое на себя Правительством обязательство рассмотреть положение семей, находящихся в особенно тяжелых материальных условиях, а «тогда, когда дела уже не будут находиться на рассмотрении суда, рассмотреть вопрос об учреждении трастового фонда для талидомидных детей».

14. Вслед за парламентскими дебатами последовала новая волна публикаций, которая положила начало общенациональной кампании в печати и среди широкой общественности, направленной на то, чтобы оказать давление на компанию «Дистиллерс» и вынудить ее согласиться с более выгодными для истцов условиями компенсации. Данная кампания включала в себя угрозу бойкота других продуктов «Дистиллерс», в связи с чем многие ее акционеры публично потребовали скорейшего заключения мирового соглашения. В двух статьях газеты «Дейли мейл» от 8 и 9 декабря 1972 г. речь, в частности, шла о тех же результатах испытаний и исследований, что и в запрещенной статье «Санди таймс».

Примерно в то же время в печати появился ряд статей с отрицанием правовой ответственности компании «Дистиллерс», однако в их отношении преследования по обвинению в неуважении к суду возбуждено не было. Несмотря на неоднократно раздававшиеся требования приступить к общественному расследованию причин трагедии, подобное расследование так и не было начато; по сути, оно было окончательно отклонено профильным министром летом 1976 г.

Под напором общественной критики обсуждавшееся до сих пор мировое соглашение было похоронено, и в декабре 1972 г. - январе 1973 г. компания «Дистиллерс» выступила с новыми предложениями, включавшими в себя новое увеличение размера трастового фонда до 20 000 000 фунтов стерлингов. Переговоры продолжились. Тем временем, на основании апелляции «Таймс ньюспейперс лтд.» Апелляционный суд 16 февраля 1973 г. отменил запрет отделения Высокого Суда, но после того, как Палата лордов своим решением от 18 июля 1973 г. удовлетворила обращение Генерального атторнея, действие этого судебного запрета в слегка измененной форме было восстановлено 24 августа 1973 г. (см. п. 24-34 ниже).

15. 30 июля 1973 г. судья апелляционного присутствия отделения королевской скамьи утвердил большинство пунктов мирового соглашения, удостоверившись, что они соответствуют истинным интересам пострадавших несовершеннолетних. По условиям соглашения:

(а) каждый истец, при условии отзыва им своего иска, получал единовременную выплату в размере 40 процентов от суммы, на которую он мог претендовать в случае выигрыша судебного процесса; и

(b) предусматривалось создание благотворительного трастового фонда для детей с физическими недостатками, включая тех из них, кто уже получил компенсацию по итогам достигнутого в 1968 г. соглашения.

Компания «Дистиллерс» по-прежнему отвергала обвинение в небрежности со своей стороны или со стороны ее советников; так как предложенное соглашение было принято не всеми родителями, данный вопрос оставался на рассмотрении суда.

16. По ходатайству Генерального атторнея судебный запрет в отношении «Таймс ньюспейперс лтд.» был отменен 23 июня 1976 г. (см. п. 35 ниже). Спустя четыре дня спорная статья была опубликована. По целому ряду пунктов она отличалась от первоначального проекта; в частности, в ней были опущены некоторые места, основывавшиеся на информации, полученной доверительно советниками родителей во время судебного процесса. Обнародование этой информации противоречило бы еще одному запрещающему предписанию от 31 июля 1974 г., которое заявители не обжаловали в органах Комиссии.

На 23 июня 1976 г. неразрешенными оставались четыре иска, поданных родителями к компании «Дистиллерс»: в одном из них предварительное производство по делу было завершено, но с 1974 г. не было предпринято никаких действий; в двух других всё ограничилось подачей исковых заявлений, а в четвертом - изданием судебного приказа.

Кроме того, по состоянию на указанную дату на стадии рассмотрения находился и судебный процесс между компанией «Дистиллерс» и ее страховщиками, также затрагивавший вопрос о небрежности: страховщики оспаривали свою ответственность за выплату компенсаций по мировому соглашению 1973 г. на том основании, что компания «Дистиллерс» не провела необходимых испытаний и исследований. Судебное разбирательство по этой претензии было назначено на 4 октября 1976 г., однако фактически она была урегулирована 24 сентября 1976 г.

Краткое изложение проекта статьи

17. Неопубликованная статья, явившаяся предметом судебного запрета, начиналась с указания на то, что методы продаж талидомида в Великобритании оставляли желать много лучшего. В ней утверждалось, что компания «Дистиллерс»:

«...- чрезмерно полагалась на результаты немецких тестов и не провела собственных полномасштабных испытаний перед выпуском лекарства на рынок;

- в проанализированной ею медицинской и научной литературе не сумела выявить тот факт, что родственные талидомиду соединения способны вызвать рождение уродливых детей;

- перед выпуском лекарства на рынок не испытала на животных его воздействия на плод;

- в коммерческих целях ускорила выпуск лекарства на рынок, оставив без внимания предупреждение одного из своих сотрудников относительно того, что талидомид намного опаснее, чем предполагалось;

- не обратила внимания на то открытие, что талидомид может нанести вред нервной системе, что само по себе служило указанием на потенциальную опасность действия вещества на плод;

- продолжала рекламировать лекарство как «безопасное для беременных женщин» вплоть до месяца, когда были прекращены его продажи».

В самой статье описывалось, как после довольно неутешительного начала операций на фармацевтическом рынке компания «Дистиллерс» узнала в 1956 г., что немецкой химической фирмой «Грюненталь» разработано уникальное успокоительное средство - талидомид, которое считалось совершенно безвредным. Обширный на то время и сулящий громадные перспективы рынок успокоительных средств привлекал к себе внимание большого числа компаний, и потому компания «Дистиллерс» считала необходимым действовать быстро. Решение начать продажи талидомида было принято ей еще до получения какой-либо технической информации об этом лекарстве, кроме стенограммы немецкого симпозиума, и до проведения независимых испытаний. Компания «Дистиллерс», по-видимому, искренне полагала, что нет необходимости проводить какие-либо сложные испытания талидомида. Компания приступила к изучению научной литературы, но не обнаружила результатов исследований, проведенных в 1950 г. доктором Тиршем, согласно которым родственный с талидомидом химический препарат может стать причиной рождения детей-уродов; мнения о том, могла ли компания «Дистиллерс» найти результаты его работы, разделились.

Продажа талидомида в Германии началась в октябре 1957 г., и по условиям лицензионного соглашения компании «Дистиллерс» было предоставлено право начать его продажи в апреле 1958 г. Компания приступила к программе выпуска лекарства на рынок еще до завершения клинических испытаний. Результаты первых английских исследований были опубликованы в январе 1958 г.: было выявлено, что талидомид неведомым образом подавляет деятельность щитовидной железы; исследователь предупреждал, что необходимо провести ещё ряд испытаний. Компания «Дистиллерс» не прислушалась к этому совету и приняла свое решение о начале продаж на «шатких» основаниях, а именно - на результатах других испытаний в Соединенном Королевстве и на заверениях в правильности проведенных в Германии исследований. Предупреждение о вредном воздействии талидомида на щитовидную железу было особенно значимым, поскольку было известно, что лекарственные препараты, воздействующие на щитовидную железу, могут оказывать влияние на вынашиваемых детей; разумно было предположить, что компания «Дистиллерс» обязана отложить выпуск лекарства на рынок вплоть до завершения дополнительных испытаний.

14 апреля 1958 г., - говорилось далее в статье, -талидомид поступил в продажу в Великобритании. Он рекламировался как «совершенно безвредный» препарат. В конце 1959 г. фармаколог компании «Дистиллерс» обнаружил, что в жидком виде талидомид чрезвычайно ядовит, а его передозировка может привести к летальному исходу, однако его доклад так и не был опубликован, и лекарство в жидкой форме поступило в продажу в июле 1961 г. Далее сообщалось, что в декабре 1960 г. у пациентов, принимавших талидомид в виде таблеток, т.е. в той форме, в какой он первоначально продавался, появились симптомы периферического неврита; эта новость послужила основанием для отклонения заявки на продажу талидомида в Соединенных Штатах Америки, где он фактически так и не поступил в продажу. В 1961 г. появились сообщения о новых случаях периферического неврита, однако рекламная кампания «Дистиллерс» продолжала делать упор на безопасности этого лекарства.

В начале 1961 г. в Соединенном Королевстве родилось немало детей с различными отклонениями от нормы, но ничто тогда не указывало на связь этих случаев с талидомидом. Однако в мае-октябре того же года один австралийский доктор обнаружил, что все случаи рождения детей с физическими недостатками объединяет то, что в период беременности матери принимали талидомид. 24 ноября информация об этом была доведена до сведения компании «Грюненталь», которая отозвала лекарство с рынка через два дня после обнаружения данного факта в газетах. Компания «Дистиллерс» сразу же вслед за этим прекратила продажи талидомида населению. Испытания на животных, результаты которых были опубликованы в апреле 1962 г., подтвердили, что талидомид вызывает деформацию плодов, однако продажи лекарства больницам продолжались вплоть до декабря 1962 г.

В заключение статьи приводились следующие доводы:

«Таким образом, обязательство удостовериться в том, что талидомид безопасен для здоровья, лежало непосредственно на компании [«Дистиллерс»]. Каким же образом она справилась с этой тяжелой обязанностью? Следует отметить, что:

- 1. [Компания «Дистиллерс»] обязана была найти и изучить всю научную литературу о лекарственных препаратах, родственных талидомиду. Она этого не сделала.*
- 2. Она должна была прочесть работу Тириша о воздействии на нервную систему препаратов, родственных талидомиду; заподозрить угрозу воздействия их на вынашиваемых детей и вслед за этим провести на животных испытания потенциального тератогенного эффекта применения таких препаратов. Она этого не сделала.*
- 3. Она должна была провести дополнительные испытания сразу же после того, как было обнаружено, что лекарство оказывает вредное воздействие на щитовидную железу и обладает непредвиденным токсичным эффектом. Она этого не сделала.*
- 4. Она должна была получить доказательства того, что лекарство безопасно для беременных женщин, прежде чем рекламировать его таким образом. Она этого не сделала.*

В защиту [компании «Дистиллерс»] можно отметить, что на момент выпуска талидомида на британский рынок она искренне считала его абсолютно нетоксичным; что периферический неврит в качестве побочного эффекта был выявлен только спустя два года после начала продаж лекарства в Великобритании; что в 1958 г. испытания на тератогенное воздействие не входили в число общепринятых; что если бы испытания были проведены на обычных лабораторных животных, то они не привели бы к

желательным результатам, поскольку только на новозеландского белого кролика талидомид производит такое же воздействие, как на человека; и, наконец, что в одном из клинических отчетов о принятии талидомида беременными женщинами не было выявлено никаких осложнений (так как талидомид опасен только в первые 12 недель беременности).

(...)

Похоже, в данном деле нет ясных ответов...».

Национальное законодательство

18. В докладе комитета по изучению вопроса о неуважении к суду («доклад Филлимора», см. п. 36 ниже) английский институт неуважения к суду назван «средством, позволяющим судам предотвращать или карать поведение, направленное на то, чтобы злоупотреблять, препятствовать или наносить ущерб отправлению правосудия, как в конкретном судебном деле, так и в целом»; там же указывается, что он призван защищать не достоинство судей, а «интересы отправления правосудия и "основополагающий принцип верховенства права"». Неуважение к суду, за некоторыми исключениями, является уголовным преступлением и наказывается тюремным заключением или штрафом без ограничения срока [первого] или размера [последнего], либо внесением залога как гарантии хорошего поведения в будущем. Наказание может быть наложено в порядке суммарного производства без рассмотрения дела с участием присяжных; аналогичным образом может быть пресечена и публикация фактов или мнений, представляющих собой преступное неуважение. В некотором роде, неуважение к суду лежит в той же плоскости, что и такие общеуголовные преступления против отправления правосудия, как нарушения справедливости при отправлении правосудия. Институт неуважения к суду является детищем общего права и распространяет свое действие на многие формы поведения. Лорд Диплок в своей речи по делу «Санди таймс» в Палате лордов отметил:

«Есть целая масса эмпирических решений по частным случаям поведения, которое было признано неуважением к суду. В то же время ощущается острая нехватка рациональных объяснений и исследований самого понятия неуважения к суду, общего всем тем случаям, где было установлено наличие неуважения к суду».

Доклад Филлимора подразделяет случаи неуважения к суду на следующие категории:

- (a) «неуважение перед лицом суда», например бросание предметов в судью, оскорбление присутствующих в здании суда, проведение демонстраций в суде;
- (b) «неуважение за пределами суда», подразделяемое на:
 - (i) репрессалии против свидетелей после окончания судебного разбирательства;
 - (ii) «злословие в адрес суда», например, оскорбление судьи в качестве судьи или оспаривание его беспристрастности и честности;
 - (iii) неповиновение приказам суда;
 - (iv) намеренное или непреднамеренное поведение, способное помешать процессу отправления правосудия в конкретном судебном разбирательстве.

Настоящее дело касается последней упомянутой категории, включающей в себя проявления неуважения в виде публикаций, сообщений или комментариев по поводу продолжающегося судебного процесса. В докладе Филлимора подчеркивается, что нет четкого определения, какого рода утверждения, высказывания или комментарии

представляют собой неуважение к суду. В дополнение к этому в докладе указывается, что до того, как Палата лордов в деле «Санди таймс» «сформулировала совершенно иной критерий», критерии неуважения в случае публикаций основывались исключительно на принципе предвосхищения, или неоправданного вмешательства в судопроизводство, а целью самого института неуважения к суду было пресечение такого зла как воспрепятствование надлежащему отправлению правосудия.

По-видимому, публикация может составлять неуважение к суду не только тогда, когда она появляется после издания судебного приказа, но и в том случае, если она появляется в момент, когда судебное разбирательство представляется «неминуемым».

19. Генеральный атторней имеет право, но не обязанность, представить на рассмотрение суда любые сведения о том, что, по его мнению, является неуважением к суду, и на что он, в общественных интересах, считает должным обратить внимание суда.

За исключением отдельных случаев, уголовные дела по обвинению в неуважении к суду могут быть возбуждены также частными лицами.

20. В этой связи следует отметить, что правило Палаты общин запрещает во время дебатов ссылаться на вопросы, которые находятся на рассмотрении суда. За некоторыми исключениями, не допускается упоминать о судебном процессе по гражданскому делу после того, как дело вынесено на судебное разбирательство или же каким-либо иным способом подано в суд, независимо от того, нанесет ли такое упоминание ущерб судебному процессу или нет; до указанного момента (а в исключительных случаях, и после него) ссылаться на подобные вопросы разрешается, если только Палата не посчитает, что это будет представлять реальную и серьезную угрозу справедливому судебному разбирательству данного дела. Именно в соответствии с этим правилом 29 ноября 1972 г. в Палате состоялись дебаты (см. п. 13 выше), отчет о которых был затем опубликован.

Национальные нормы судопроизводства по обвинению в неуважении к суду

(а) Введение

21. Компания «Дистиллерс» подала Генеральному атторнею официальную жалобу, в которой утверждалось, что статья в газете «Санди таймс» от 24 сентября 1972 г. представляет собой неуважение к суду, поскольку судебное разбирательство по делу еще не завершено. 27 сентября заместитель Генерального атторнея, в отсутствие Генерального атторнея, направил редактору «Санди таймс» письмо с требованием представить свои объяснения. В ответном письме редактор привел свои доводы в защиту указанной статьи, а также приложил проект намеченной к опубликованию статьи, все факты которой, по его утверждению, полностью соответствуют действительности. Заместитель Генерального атторнея осведомился, был ли проект статьи показан сторонам судебного процесса, вследствие чего 10 октября копия предполагаемой статьи была послана газетой «Санди таймс» компании «Дистиллерс». Накануне «Санди таймс» получила уведомление, что Генеральный атторней решил не возбуждать преследования по поводу уже опубликованных в сентябре и октябре материалов; компания «Дистиллерс» также не стала обращаться в суд в связи с этими публикациями. 11 октября канцелярия Генерального атторнея уведомила «Санди таймс», что на основании поданных компанией «Дистиллерс» представлений Генеральный атторней решил обратиться в Высокий Суд с тем, чтобы получить судебное решение относительно законности опубликования подготовленной статьи. На следующий день он издал судебный приказ в отношении компании «Таймс ньюспейперс лтд.», в котором потребовал от нее, «как самой, так и через посредство своих служащих, агентов или каким-либо иным образом, воздержаться от публикации, оказания

содействия или дачи разрешения на издание или публикацию статьи, затрагивающей, в числе прочего, вопросы разработки, распространения и использования препарата *талидомид*, копия каковой статьи была представлена Генеральному атторнею ответчиками».

(b) Решение отделения Высокого Суда

22. Обращение Генерального атторнея было рассмотрено тремя судьями апелляционного присутствия отделения Королевской скамьи 7-9 ноября 1972 г.; 17 ноября суд удовлетворил обращение и выдал испрашиваемое запрещающее предписание.

В своем решении суд отметил:

«...Статья не претендует на то, чтобы выразить какие-либо взгляды касательно правовой ответственности компании «Дистиллерс»... однако... во многих отношениях она критически оценивает действия этой компании и обвиняет ее в небрежности, поскольку та не провела собственных испытаний рассматриваемого препарата и не отреагировала в достаточной мере решительно на предупреждения, прозвучавшие из уст других исследователей этого препарата. У любого читателя статьи неминуемо складывается впечатление, что судебное дело против компании «Дистиллерс» по обвинению в небрежности имеет под собой прочные основания».

Редактор «Санди таймс» указал, что любые обвинения в клевете после публикации могли бы быть отклонены заявлением о том, что содержимое статьи соответствует действительности, и суд при принятии своего решения исходил из того, что приведенные в ней факты были точны.

23. Основания вынесенного судебного решения можно резюмировать следующим образом. Возражением против односторонних комментариев до завершения судебных слушаний было то обстоятельство, что они могут помешать надлежащему и беспристрастному отправлению правосудия воздействием на сам суд и созданием у него предубеждения в пользу одной из сторон, воздействием на свидетелей, которые должны предстать перед судом, либо воздействием на свободу выбора и поведения одной из сторон судебного процесса. В настоящем случае мы имеем дело с последней из перечисленных форм воздействия. Если на сторону в судебном процессе оказывается такого рода давление, что она не может надеяться на справедливое разбирательство из-за того, что окажется затронутой ее свобода действий, то налицо признаки преступного неуважения к суду. Критерий неуважения заключается в том, представляют ли обжалуемые слова серьезный риск вмешательства в процесс отправления правосудия, независимо от намерений автора или достоверности приводимых их сведений, при учете всех обстоятельств конкретного дела.

В противоположность тому, что утверждали ответчики, в задачи суда не входит поиск баланса между соперничающими интересами защиты отправления правосудия, с одной стороны, и права общественности на получение информации, с другой: до завершения судебного процесса необходимо воздерживаться от комментариев, представляющих серьезный риск вмешательства в судебное разбирательство. Впрочем, если бы даже такая необходимость и отсутствовала, в настоящем деле не было такого общественного интереса в немедленном раскрытии сведений, который перевешивал бы заинтересованность общества в недопущении давления на стороны в судебном процессе.

В данном деле нет разницы между убеждением в связи с правовым обязательством и убеждением в связи с моральным обязательством. Бесспорным мотивом «Санди таймс» было заручиться поддержкой общественного мнения и направить его на то, чтобы оказать

давление на компанию «Дистиллерс» и заставить ее пойти на мировое соглашение на таких условиях, которые она в других обстоятельствах не стала бы рассматривать. Это было хорошо продуманной попыткой повлиять на урегулирование дела, находящегося в процессе рассмотрения, а учитывая могущество общественного мнения, публикация статьи могла создать серьезную опасность вмешательства в свободу действий компании «Дистиллерс» в судебном процессе и стала бы явным проявлением неуважения к суду.

(с) Решение Апелляционного суда

24. Апелляция компании «Таймс ньюспейперс лтд.» на решение отделения Высокого Суда была рассмотрена Апелляционным судом в период с 30 января по 2 февраля 1973 г. В распоряжение Суда были представлены письменные показания редактора «Санди таймс» с изложением обстоятельств как самого дела, так и публичного его обсуждения, начиная с момента вынесения оспариваемого решения. С разрешения суда адвокат «Дистиллерс» представил замечания по содержанию предполагавшейся статьи, особо указав на ошибки, которые, по его словам, в ней содержались. 16 февраля Апелляционный суд отменил судебный запрет. Ниже приведено краткое изложение суждений, высказанных тремя членами суда.

25. Лорд Деннинг сказал, что намеченная к опубликованию статья:

«...Содержит подробный анализ свидетельских показаний против компании "Дистиллерс". В ней приводятся убедительные доводы в поддержку того, что компания не выполнила своих обязательств. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что в статье резюмируются и доводы, которые могут быть выдвинуты в оправдание компании "Дистиллерс"».

Указав на то, что в распоряжении суда нет письменных показаний компании «Дистиллерс» относительно воздействия на нее намеченной к опубликованию статьи, и что суд мало осведомлен о состоянии судебного спора и переговоров о его урегулировании, лорд Деннинг изложил принципы права следующим образом:

«...Когда спор находится на рассмотрении суда и по нему ведется активное производство... никто не должен комментировать его таким образом, чтобы это представляло реальную и серьезную угрозу справедливому судебному разбирательству данного дела, например, путем воздействия на судью, присяжных или свидетелей, либо путем создания у населения в целом предубеждения против одной из сторон в споре... Даже если лицо, высказывающее свои замечания по делу, искренне верит в их правильность, в том случае, если они предвосхищают судебное решение до окончания судебного разбирательства, то это все равно является неуважением к суду... [Более того,] никто не вправе... оказывать несправедливое давление на одну из сторон разбирательства... с тем, чтобы вынудить ее отказаться от своей жалобы, отказаться от защиты или пойти на мировое соглашение на таких условиях, которые та в других обстоятельствах не стала бы и рассматривать».

Проведения «суда газетами» позволять нельзя, - продолжил лорд Деннинг. Однако следует соотносить общественный интерес к вопросам, вызывающим озабоченность страны, с заинтересованностью сторон в справедливости судебного разбирательства или мирном урегулировании спора; в настоящем случае общественный интерес в обсуждении проблемы перевешивает потенциальный вред, который может быть причинен какой-либо из сторон по делу. Законодательство не препятствует комментировать обстоятельства дела, когда оно находится в «спящем состоянии» и по нему не проводится активных действий. Более того, поскольку законы не запрещают комментировать судебные процессы, которые уже завершились или еще не начались, ничто не препятствовало

выступать с замечаниями по поводу 62 дел, урегулированных в 1968 г., или 123 дел, по которым еще не было издано судебных приказов. Даже в сентябре 1972 г. предполагаемая статья не представляла бы собой неуважения к суду: она являлась честным комментарием по вопросу, представлявшему общественный интерес; она не наносила ущерба незаконченному судебному процессу, потому что на протяжении нескольких лет судебный процесс находился в спящем состоянии; а давление, которое намеревалась оказать статья, было правомерным. Кроме того, было бы наихудшей формой дискриминации оставлять действие судебного запрета только в отношении газеты «Санди таймс», тогда как начиная с ноября 1972 г. обсуждение проблемы велось и в Парламенте, и в других газетах.

26. Судья лорд Филлимор указал, что любой желающий может беспрепятственно комментировать как те дела, которые уже урегулированы, так и те, по которым еще не издано судебного приказа. Недобросовестное давление с целью добиться желательного исхода урегулирования дела может представлять собой неуважение к суду, однако в данном деле не было ни письменных показаний со стороны компании «Дистиллерс», ни каких-либо иных доказательств в пользу того, что намечавшаяся статья может вынудить компанию «Дистиллерс» согласиться на урегулирование на менее благоприятных для нее условиях, или же что оказанное давление является недобросовестным. Положение изменилось бы, если бы наличествовало реальное намерение возбудить остающиеся судебные дела, поскольку в таком случае статья имела бы целью настроить общественность против одной из сторон спора или же оказать на нее давление с тем, чтобы сорвать мировое соглашение. Более того, с ноября 1972 г. в Палате общин проходило обсуждение этой проблемы, а другие газеты, в частности «Дейли мейл», высказывали свое мнение по данному поводу; таким образом, было бы нереально оставлять судебный запрет в силе.

27. Указав вначале, что он согласен с суждением лорда Деннинга, судья лорд Скармэн указал на то, что в настоящем деле никто не ожидает судебного разбирательства; судебные приказы - лишь шаг на пути к достижению мирового соглашения, а сам факт издания судебных приказов не может служить основанием для подавления любых замечаний и комментариев. Поскольку нет свидетельств того, что по судебному процессу проводились какие-либо активные действия, было бы неразумно предполагать, что готовящаяся статья могла представлять реальную или существенную угрозу процессу отправления правосудия. Более того, следовало принять во внимание интерес населения в свободе слова по вопросу большой общественной значимости. Наконец, даже если доводы отделения Высокого Суда были правильными, состояние общественного мнения после дебатов в Палате общин было таковым, что судебный запрет нужно было отменить.

(d) Решение Палаты лордов

28. Вслед за решением Апелляционного суда «Санди таймс» воздерживалась от опубликования намечавшейся статьи, чтобы дать Генеральному атторнею возможность обжаловать это решение. Апелляционный суд отказал ему в разрешении на обжалование, однако 1 марта 1973 г. такое разрешение было дано ему Палатой лордов. Слушания дела в Палате лордов состоялись в мае 1973 г. 18 июля 1973 г. Палата единогласно решила удовлетворить обращение Генерального атторнея и приказала отделению Высокого Суда восстановить действие судебного запрета в формулировке, изложенной далее в п. 34. Ниже приведено краткое изложение речей, произнесенных пятью членами Палаты лордов.

29. Лорд Рейд сказал, что Палата должна попытаться устранить неопределенность, которая является причиной основного возражения против действующих норм о неуважении к суду. Институт неуважения к суду должен основываться целиком и полностью на публичном порядке: в его задачи входит не защита прав сторон в судебном

споре, а недопущение вмешательства в отправление правосудия. Он должен ограничиваться тем, что является разумно необходимым для достижения такой цели. Свобода слова не должна ограничиваться более необходимым, но ее не следует допускать там, где она может нанести реальный ущерб отправлению правосудия.

Сначала лорд Рейд обратился к вопросу комментариев и замечаний по поводу незавершенного судебного разбирательства, которые могут оказать давление на одну из сторон в судебном процессе. Хотя следует не допустить комментариев и замечаний, способных повлиять на мнения свидетелей и суда, ибо в противном случае суд не может считаться справедливым, постольку то обстоятельство, что сторона воздерживается от попыток обеспечить соблюдение своих полных законных прав, никоим образом не препятствует справедливому судебному разбирательству, независимо от того, было ли такое решение принято под влиянием какой-либо третьей стороны или нет. Следовательно, там, где единственным предметом разбирательства является оказанное на сторону давление, правомерны и допустимы как добросовестная и умеренная критика этой стороны, так и убеждение ее отказаться от своих законных прав; таким образом, статья от 24 сентября 1972 г. не представляла собой неуважение к суду. Опубликование в 1972 г. намечавшейся статьи, состоявшей «по большей части из подробных свидетельств и доказательств, призванных продемонстрировать, что компания «Дистиллерс» не проявила надлежащей осторожности», не могло добавить чего-либо существенного к уже оказанному на «Дистиллерс» давлению.

Исходя из этого, лорд Рейд согласился с решением Апелляционного суда, хотя и по другим соображениям. Впрочем, затем он указал:

«Часто поднимался вопрос о небрежности, якобы допущенной компанией «Дистиллерс», однако, насколько мне известно, не было предпринято никаких попыток произвести оценку свидетельств. Если бы такие материалы были выпущены в настоящее время, то мне представляется почти неизбежным, что вслед за ними последовала бы публикация обстоятельных ответов, и, таким образом, были бы выражены различные предвзятые мнения по этому вопросу, имеющиеся в обществе. Я считаю, что подобное развитие событий сильно противоречило бы общественным интересам».

Отметив далее наличие в обществе сильных и стойких настроений против «газетного суда», лорд Рейд продолжил:

«Я думаю, что предвосхищение судебного решения или конкретных вопросов в рамках этого дела должно вызывать возражения не только из-за того, что оно может оказать влияние на конкретное дело, но и из-за его побочных эффектов, которые могут иметь весьма серьезные последствия. Ответственные "средства информации" сделают все от себя зависящее, чтобы оставаться беспристрастными, однако будут также и неосведомленные, поспешные или тенденциозные попытки оказать влияние на общественность. Если людей склонят к той мысли, что найти истину очень просто, то это может повести к неуважению правовых процедур, а если позволить средствам информации выносить свои приговоры, то непопулярным людям и непопулярным идеям придется очень и очень несладко. Большинство случаев предвосхищения вопросов судебного разбирательства подпадают под действие имеющихся норм о неуважении к суду. Я не думаю, что свобода печати страдает от того, что запрещение предвосхищать решения в делах, находящихся на рассмотрении суда, станет общим правилом. Напротив, я считаю, что в этом случае законы станут более четкими и их будет проще применять на практике».

Апелляционный суд не имел достаточных оснований называть состояние судебного процесса «спящим», поскольку в то время проводились переговоры об урегулировании, и

неправомерное давление на одну из сторон могло быть расценено как неуважение к суду. Что же касается проведенного Апелляционным судом сопоставления соперничающих интересов, лорд Рейд сказал:

«...Неуважение к суду не имеет ничего общего с частными интересами сторон. Я уже указал, что необходимо обеспечить баланс между общественным интересом в свободе слова и общественным интересом в защите отправления правосудия от постороннего вмешательства. Я не вижу, почему должна быть какая-то принципиальная разница между делом, которое, как полагают, обладает новостной ценностью, и делом, которому отказано в такой новостной ценности. Защита отправления правосудия одинаково важна во всех случаях, независимо от того, затрагивает ли разбираемое дело общественно-значимые вопросы или нет».

В заключение лорд Рейд сказал, что в свете имеющихся обстоятельств опубликование статьи должно быть отложено на некоторое время; впрочем, если в обозримом будущем в состоянии дела не появятся никаких подвижек, то потребуются провести переоценку общественных интересов в конкретной сложившейся ситуации.

30. С точки зрения лорда Морриса из Борт-и-Геста, институт неуважения к суду призван защитить авторитет судов и не допустить неправомерного воспрепятствования обращению в суды за правовой помощью. Действие этого института должно уравниваться общественным интересом в свободе слова, и не следует налагать на нее никаких ограничений, кроме безусловно необходимых, однако:

«...Это не означает, что если какое-то поведение нужно заклеймить как неуважение к суду, то оно может получить оправдание и стать правомерным только потому, что оно было вдохновлено желанием вызвать облегчение от неких страданий, бывших предметом общественного сочувствия и заботы. Не может существовать такое понятие, как оправданное неуважение к суду».

Суд может установить состав неуважения к суду только в том случае, если угроза воспрепятствования надлежащему отправлению правосудия является серьезной, реальной или значительной. Не должно быть не только оказания воздействия на суд или на свидетелей, но и публичных выступлений в поддержку одной из сторон по делу, ожидающему судебного разбирательства. Лорд Моррис особо подчеркнул, что нельзя допускать «газетного разбирательства»:

«...На судах ...лежит долг оградить стороны как от преждевременных решений, так и от необходимости вовлекать себя в водоворот досудебной полемики».

Судебные процессы против компании «Дистиллерс», - продолжил он, - не перешли «в спящее состояние» только из-за того, что стороны предпочли мирное урегулирование судебному разбирательству. Хотя в 1972 г. не возникло бы возражений против комментариев по поводу сумм, выплаченных по условиям мирового соглашения 1968 г., общих принципов соответствующего законодательства или сдержанного морального призыва к компании «Дистиллерс», намеченная к опубликованию статья пошла намного дальше. Общеизвестно, что цель ее заключалась в оказании общественного давления на компанию «Дистиллерс», с тем чтобы вынудить ее увеличить размер компенсации. В числе поднимавшихся вопросов была и небрежность, и хотя в статье не делалось определенных выводов, из нее следовало, что положение, в котором оказалась компания «Дистиллерс», крайне серьезно. Время для отмены судебного запрета еще не наступило.

31. Лорд Диплок отметил, что неуважение к суду заслуживает наказания, поскольку оно подрывает доверие сторон и общественности к возможности надлежащего отправления

правосудия. Для надлежащего отправления правосудия необходимо, чтобы все граждане могли беспрепятственно обращаться в суды; чтобы они имели возможность полагаться на непредвзятость судебного решения, основывающегося исключительно на фактах, доказанных в соответствии с нормами доказательственного права; чтобы после передачи дела в суд они могли быть уверены в том, что функции судов не окажутся узурпированы кем-либо еще, в форме «суда газет». Поведение, умышленно противоречащее хотя бы одному из указанных условий либо подрывающее доверие общества к тому, что они будут соблюдены, представляет собой неуважение к суду.

Лорд Диплок утверждал, что:

«...Неуважение к суду в случае гражданского иска не ограничивается поведением... умышленно... создающим помехи справедливому разбирательству иска путем оказания воздействия на... суд... или свидетелей; оно включает и такое поведение, которое нацелено на то, чтобы помешать истцам воспользоваться своим конституционным правом устанавливать и обеспечивать соблюдение их законных прав и обязанностей в судах, через выставление истца на общественное поругание за обращение к средствам судебной защиты или организацию публичного предвзятого обсуждения существа или обстоятельств его дела до установления их судом или до того, как иск будет рассмотрен каким-либо иным способом с применением надлежащей правовой процедуры».

Лорд Диплок посчитал, что статья, которую собиралась опубликовать «Санди таймс», подпадает под последнюю категорию, так как в ней предвзято излагаются факты и существо защиты «Дистиллерс» по обвинению в небрежности еще до того, как по искам было принято судебное решение или они были иным образом урегулированы. Нельзя было игнорировать иски как «находящиеся в спящем состоянии», поскольку одна и та же степень защиты предусмотрена как для судебного разбирательства, так и для переговоров о мирном урегулировании. Последовавшие события не могут служить оправданием отмены судебного запрета, хотя, «как [было] признано», в его формулировку нужно внести некоторые изменения. Серьезная угроза вмешательства в надлежащее отправление правосудия существовала только в связи с вопросом, должен ли суд налагать наказание: поскольку угроза была реальной, то здесь налицо неуважение к суду, хотя бы и формальное.

Согласно лорду Диплоку, процитированный в п. 11 отрывок из статьи от 24 сентября 1972 г. также является неуважением к суду, хотя и по иной причине, а именно потому, что в нем компания «Дистиллерс» выставлялась на общественное поругание за обращение к доступным ей по закону средствам судебной защиты; впрочем, те части сентябрьской статьи, которые касались общих принципов права, возражений не вызывали, поскольку, если обсуждение таких общественно-значимых вопросов имело косвенным результатом оказание давления на одну из сторон, то с ним нужно было смириться из-за более важного общественного интереса в соблюдении свободы обсуждения вопросов, представляющих большую общественную значимость.

32. Лорд Симон из Глейсдейла согласился с утверждением лорда Диплока относительно норм права и с его взглядами по поводу вышеупомянутого отрывка из сентябрьской статьи. По его мнению, готовящаяся статья представляла собой подробное обсуждение одного из ключевых вопросов в исках, а цель ее заключалась в том, чтобы путем оказания морального давления на компанию «Дистиллерс» вынудить ее согласиться на менее благоприятные для нее условия мирового соглашения. Институт неуважения к суду был инструментом, посредством которого право отстаивало общественный интерес в надлежащем отправлении правосудия. Большинство гражданских исков было урегулировано, и вмешательство в переговоры об урегулировании было в не меньшей

степени неуважением к суду, чем вмешательство в процедурные вопросы в строго судебном смысле. Надлежащее отправление правосудия включало в себя переговоры об урегулировании исков, которые велись на основе предписанных правовых норм; Апелляционный суд был не прав, заявляя, что статья не будет представлять собой неуважение к суду, поскольку судебный спор находится в спящем состоянии. В общем случае непозволительно даже частное давление на одну из сторон процесса, и оно может быть оправдано только в очень узких пределах. Правовые нормы должны удерживать в равновесии два общественных интереса - в свободе обсуждения и в надлежащем отправлении правосудия, - но они были бы очень неопределенными, если бы равновесие требовалось искать заново в каждом конкретном случае. В законодательстве должны быть сформулированы некие общие принципы; что же касается конкретного судебного процесса, то на период судебного разбирательства высший общественный интерес состоял в том, чтобы рассмотрение дела в суде протекало без какого бы то ни было постороннего вмешательства. Исключение - ситуация, когда публичное обсуждение общественно-значимого вопроса началось еще до возбуждения судебного процесса; в этом случае его можно не прекращать, если оно не создает помех справедливому разбирательству судебного спора.

33. Лорд Кросс из Челси заявил, что «неуважение к суду» означает вмешательство в отправление правосудия. Правила о неуважении к суду не должны ограничивать свободу слова более разумно необходимого. В намеченной к выпуску статье рассматривался вопрос о том, допустила ли компания «Дистиллерс» небрежность, а любое «предвосхищение» спорных вопросов факта или права в незавершенном гражданском или уголовном процессе в принципе было таким вмешательством. Он продолжил:

«Публикация, предвосхищающая рассмотрение вопроса в продолжающемся судебном процессе, даже очень безобидная по своей природе, способна спровоцировать далеко не безобидные отклики, которые именно из-за того, что они являются ответами на первоначальную статью, ограничивать было бы весьма несправедливо... Абсолютное правило - хотя, если исходить только из данного конкретного дела, оно может показаться неблагоприятным - необходимо для того, чтобы не допускать такого развития событий, когда рассмотрение дела в суде уступает место суду в газетах или на телевидении».

Это правило, добавил лорд Кросс, применимо к исходу переговоров об урегулировании в той же степени, что и к результату судебного разбирательства.

«Таймс ньюспейперс лтд.» утверждала, что из этого правила следует делать исключение, когда дело касается вопроса большей общественной значимости; тем не менее, Палата посчитала нужным ограничиться рассмотрением вопроса о том, была ли компанией «Дистиллерс» допущена преступная небрежность; обсуждение же более широких вопросов, таких как границы ответственности изготовителей или установление суммы денежной компенсации, запрещено не было. Издатель также полагался на срок, прошедший со времени рождения детей с физическими недостатками, и на отсутствие какого бы то ни было официального расследования; тем не менее, ни одна из сторон не несет вины за промедление, а Апелляционный суд посчитал состояние исков «спящим» незаслуженно, поскольку переговоры об урегулировании претензий носили активный характер; отсутствие же официального расследования не могло оправдать разрешение прессе проводить собственное расследование до завершения судебного производства. Положение не изменилось со времени слушаний в отделении Высокого Суда: дискуссия в Палате общин сосредоточилась на моральных вопросах, и хотя компания «Дистиллерс» выступила с предложением, которое позволяло надеяться на достижение всеобъемлющего урегулирования - так что публикация статьи не могла уже ей повредить - не было

уверенности в том, что в суд не будет подано исков с претензиями. Следовательно, действие судебного запрета требуется возобновить, а за компанией «Таймс ньюспейперс лтд.» следует сохранить право ходатайствовать о его отмене, когда она посчитает, что в свете имеющихся фактов ей удастся убедить суд в том, что для продления его действия больше нет оснований.

Статья от 24 сентября 1972 г. не представляла собой неуважение к суду: неуважением к суду был бы предвзятый подход к вопросу, тогда как объективно и точно изложенные комментарии, даже если они могут оказать серьезное давление на сторону в споре, таковым неуважением не являются.

34. 25 июля 1973 г. Палата лордов постановила передать дело в отделение Высокого Суда с предписанием издать судебный запрет в следующей формулировке:

«"Таймс ньюспейперс лтд.", как сама, так и через посредство своих служащих, агентов или каким-либо иным образом, обязана воздерживаться от публикации, оказания содействия, дачи разрешения, обеспечения издания или публикации любой статьи или материала, которые превосходили бы судебное решение по вопросам небрежности, нарушения договора или неисполнения обязательства, либо оценивали бы свидетельские показания, относящиеся к любому из указанных вопросов, возникающих в связи с ведущимся или неминуемо предстоящим судебным процессом против компании "Дистиллерс"... по поводу разработки, распространения или использования препарата талидомид».

Ответчикам было предоставлено право обратиться в отделение Высокого Суда с ходатайством об отмене судебного запрета.

Отделение Высокого Суда исполнило вышеуказанное распоряжение 24 августа 1973 г.

(е) Решение отделения Высокого Суда об отмене судебного запрета

35. 23 июня 1976 г. отделение Высокого Суда заслушало обращение Генерального атторнея об отмене судебного запрета. По поручению Генерального атторнея было сказано, что надобности в судебном запрете более не существует: большинство претензий к компании «Дистиллерс» урегулированы и осталось только четыре иска, по которым в случае должного отношения со стороны соответствующих органов уже можно было бы возбудить судебные дела. Так как имелся противоборствующий общественный интерес в том, чтобы газете «Санди таймс» «как можно скорее» разрешили опубликовать спорную статью, то Генеральный атторней при представлении дела в суд указал, что общественный интерес больше не требует продолжения действия запрета. Суд, посчитав, что возможность давления на компанию «Дистиллерс» полностью исчезла, удовлетворил данное обращение.

Предложения по реоставил в силе формированию института неуважения к суду

36. Один конкретный аспект законодательства был рассмотрен в подготовленном в 1969 г. докладе Межминистерского комитета по подготовке Закона о неуважении к суду. 8 июня 1971 г. лорд-канцлер и лорд-адвокат учредили комитет для рассмотрения вопроса о необходимости внесения изменений в систему норм о неуважении к суду под председательством судьи Филлимора. Доклад Филлимора был представлен на рассмотрение Парламента в декабре 1974 г.; промедление с подачей доклада было вызвано судебным процессом по обвинению в неуважении к суду в деле «Санди таймс». В докладе указывалось на различия в приговорах, вынесенных по этому делу, и делался вывод, что они ярко свидетельствуют о неопределенности действующего права в отношении публикаций, затрагивающих судебное разбирательство. Хотя в отдельных

случаях право на выпуск таких публикаций может уступать место общественному интересу в отправлении правосудия, комитет придерживался того мнения, что равновесие нарушилось слишком сильно не в пользу свободы печати. В связи с этим комитет выдвинул ряд предложений по проведению реформы, как с целью восстановить равновесие, так и ради того, чтобы достичь большей определенности в нормах права. В частности, комитет выдвинул сомнения в правильности критерия «предвосхищения» в том виде, как он был предложен в Палате лордов, посчитав, что он заходит слишком далеко и, в то же самое время, недостаточно далеко. В свете обстоятельств, имевшихся на момент публикации, комитет предпочел применить следующий критерий: «представляет ли оспариваемая публикация угрозу того, что процессу отправления правосудия будут созданы значительные препятствия или ему будет нанесен серьезный ущерб». Один член комитета отметил, что, несмотря на подавление статьи в «Санди таймс», кампания протеста и давления, вызванная трагедией с талидомидом, выставила институт неуважения к суду на всеобщее посмешище.

В заключение комитет указал, что нормы о неуважении к суду необходимы как средство обеспечения гражданских прав на справедливую и беспрепятственную систему правосудия и как инструмент защиты надлежащего отправления правосудия; однако действие этих норм должно ограничиваться обстоятельствами, когда оскорбляющее деяние не подпадает под определение какого-либо другого уголовного преступления, и когда достижение целей этих норм требует проведения суммарного производства. В действующем праве содержится ряд неопределенностей, которые мешают свободе печати и ограничивают разумное пользование ею... Они нуждаются в изменении и прояснении, с тем чтобы допустить свободу слова в той мере, в какой это не противоречило бы достижению вышеупомянутых целей.

Комитет рекомендовал считать публикацию подпадающей под действие норм о неуважении к суду, если она (неважно, умышленно или нет) представляет риск создания серьезной предвзятости, но посчитал, что эта строгая ответственность должна применяться только в том случае:

- (а) если публикация таит в себе опасность, заключающейся в том, что процессу отправления правосудия будут созданы значительные препятствия, или ему будет нанесен серьезный ущерб;
- (b) когда, в случае гражданского иска в Англии или Уэльсе, дело вынесено на судебное разбирательство;
- (с) при наличии защиты, выражаемой в том, что публикация являлась частью обсуждения вопросов, представляющих большой общественный интерес, и только случайно или неумышленно создала опасность создания серьезной предвзятости по конкретному судебному разбирательству.

Было также рекомендовано, что оказание воздействия или давления на сторону в судебном споре не должно считаться неуважением к суду, если только оно не принимает форму запугивания или противозаконных угроз в адрес этой стороны, ее собственности или репутации.

37. Рекомендации, содержащиеся в докладе Филлимора, до сих пор не претворены в жизнь, а Правительство не внесло никаких предложений по изменению законодательства. Однако в марте 1978 г. оно выпустило «Зеленую книгу» как основу для парламентского и общественного обсуждения и призвало подавать замечания, которые будут учитываться при принятии решения о дальнейших действиях. «Зеленая книга», в которой не содержится каких-либо выводов, повторяет рекомендации комитета Филлимора и

излагает доводы за и против некоторых из них, - тех, например, которые касаются положения о защите «обсуждения вопросов, представляющих большой общественный интерес» и оказания воздействия или давления на сторону в судебном процессе. Документ не ставит под сомнение предложение о необходимости пересмотра критерия «предвосхищения», о котором шла речь в Палате лордов.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

38. В своей жалобе, поданной в Комиссию 19 января 1974 г., заявители утверждали, что изданный Высоким Судом и подтвержденный Палатой лордов судебный запрет, обязывающий их воздержаться от публикации в газете «Санди таймс» статьи, посвященной талидомидным детям и урегулированию их исков о компенсации ущерба в Соединенном Королевстве, находится в противоречии со статьей 10 Конвенции. Далее они утверждали, что принципы, на которых основывалось решение Палаты лордов, являются нарушением статьи 10, и просили Комиссию приказать или, в качестве альтернативы, предложить Правительству внести законопроект об отмене решения Палаты лордов и приведении норм о неуважении к суду в соответствие с положениями Конвенции.

39. В своем решении от 21 марта 1975 г. Комиссия, уточнив, что поставленный перед ней вопрос заключался в том, «являются ли нормы о неуважении к суду в том виде, как они были сформулированы Палатой лордов, выдавшей запрещающее предписание, достаточным основанием для применения ограничений по п. 2 статьи 10», объявила жалобу приемлемой и приняла ее к рассмотрению.

40. В своих представлениях по существу дела заявители сделали следующие дополнительные утверждения:

- что имела место дискриминация, противоречащая статье 14, поскольку аналогичные публикации в других печатных изданиях не были запрещены, а также существуют различия в применяемых в Парламенте правилах о комментировании незавершенных судебных дел и применяемых к прессе нормах о «неуважении к суду»;
- что, вопреки статье 18 Конвенции, нормы о неуважении к суду, действие которых должно ограничиваться обеспечением независимости и беспристрастности судебной системы, в деле заявителей фактически были применены для защиты стороны в судебном процессе, и сделано это было таким образом, чтобы воспрепятствовать заявителям выполнять свои журналистские обязанности.

41. В своем докладе от 18 мая 1977 г. Комиссия, постановив, что она может и должна рассмотреть дополнительные утверждения заявителей, выразила мнение:

- восьмью голосами против пяти, что ограничения, наложенные на право заявителей на свободу слова, были нарушением статьи 10 Конвенции;
- единогласно, что не имело место нарушение статей 14 и 18 в сочетании со статьей 10.

Доклад содержит совместное особое мнение пяти членов Комиссии.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О статье 10

42. Заявители утверждают, что они стали жертвами нарушения статьи 10 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Заявители полагают, что данное нарушение вызвано, во-первых, запретом, изданным английскими судами, а во-вторых, постоянными ограничениями, которым они подвергаются вследствие чрезмерной широты и расплывчатости действующего законодательства о неуважении к суду.

Комиссия в своем докладе выразила мнение, что по первому основанию нарушение имело место. Что касается второго основания, то главный представитель Комиссии на слушании 24 апреля 1978 г. отметил, что судебный запрет является не единственным вопросом, подлежащим рассмотрению Суда в связи со статьей 10, и что, несмотря на решение Палаты лордов и даже скорее по причине его двусмысленности, заявители и другие средства информации постоянно становятся жертвами неопределенности действующих норм о неуважении к суду.

Правительство настаивало, что нарушения статьи 10 не было.

43. По поводу второго основания Суд напомнил, что «его компетенция по спорным вопросам ограничивается прежде всего содержанием жалоб, которые были поданы в Комиссию и приняты ею к рассмотрению». «Решение Комиссии о признании жалобы приемлемой определяет предмет дела, переданного на рассмотрение Суда, и только в очерченных таким образом рамках Суд, после того как дело было передано ему в установленном порядке, знакомится со всеми вопросами факта и права, возникающими в ходе судебного разбирательства» (решение от 18 января 1978 г. по делу *Ирландия против Соединенного Королевства*. Серия А, т. 25, стр. 63, п. 157). В данном случае Комиссия в своем решении от 21 марта 1975 г. о признании жалобы приемлемой уточнила, что поставленный перед ней вопрос заключался в том, «являются ли нормы о неуважении к суду в том виде, как они были сформулированы Палатой лордов, издавшей запрещающее предписание, достаточным основанием для применения ограничений по статье 10 п. 2». Рассмотрение Комиссией дела по существу ограничивалось именно этим вопросом.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что он должен рассматривать только вопрос о том, имело ли место нарушение Конвенции в силу судебного решения, вынесенного Палатой лордов.

44. Первоначально судебный запрет, о котором идет речь, был издан отделением Высокого Суда и касался только проекта статьи в «Санди таймс» (см. п. 21 выше). Он был отменен Апелляционным судом, но Палата лордов восстановила его действие и существенно расширила сферу применения, поручив отделению Высокого Суда предписать, чтобы «Таймс ньюспейперс лтд.», как сама, так и через посредство своих

служащих, агентов или каким-либо иным образом, воздержалась от публикации, оказания содействия, дачи разрешения, обеспечения издания или публикации любой статьи или материала, которые предвосхищали бы судебное решение по вопросам небрежности, нарушения договора или неисполнения обязательства, либо оценивали бы свидетельские показания, относящиеся к любому из указанных вопросов, возникающих в связи с ведущимся или неминуемо предстоящим судебным процессом против компании «Дистиллерс»... по поводу разработки, распространения или использования препарата *талидомид*.

45. Очевидно, что имело место «вмешательство со стороны государственных органов» в осуществление заявителями свободы слова, которая гарантирована п. 1 статьи 10 Конвенции. Такое вмешательство влечет за собой нарушение статьи 10, если только оно не подпадает под одно из исключений, предусмотренных в п. 2 (судебное постановление по делу *Хэндисайда* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, стр. 21, п. 43). Таким образом, Суду предстоит поочередно проанализировать, было ли в настоящем случае вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно цель или цели, признанные правомерными в соответствии с п. 2 статьи 10, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

А. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»?

46. Заявители утверждают, что нормы о неуважении к суду, как до, так и после решения Палаты лордов, были настолько расплывчатыми и неопределенными, а принципы, провозглашенные этим решением, формулируют их настолько по-новому, что наложенное ограничение не может считаться «предусмотренным законом». Правительство настаивает, что в данных условиях достаточно того, что ограничение было наложено согласно закону. Оно добавляет в субсидиарном порядке, что исходя из обстоятельств дела ограничение «вполне можно было предвидеть». На этот довод ссылалась в своем докладе и Комиссия, хотя в нем она просто исходила из того предположения, что примененные Палатой лордов принципы были «предусмотрены законом». Тем не менее, во время слушаний 25 апреля 1978 г. главный представитель Комиссии сказал, что ввиду неопределенности в законодательстве данное ограничение не было «предусмотрено законом», по крайней мере, в 1972 г., когда был впервые издан указанный судебный запрет.

47. Суд отметил, что слово «закон» в формуле «предусмотрено законом» охватывает не только статуты, но и неписаное право. Соответственно, Суд не придает значения тому обстоятельству, что институт неуважения к суду является детищем общего права, а не законодательной деятельности. Если считать, что ограничение, налагаемое в силу общего права, не относится к «предусмотренным законом» единственно на том основании, что оно не закреплено в законодательстве, то это лишает государство-участника Конвенции, где действует общее право (*common law*), защиты статьи 10 п. 2 и подрывает самые корни правовой системы этого государства. Это явно противоречило бы намерениям составителей Конвенции.

Заявители не утверждают, что формула «предусмотрено законом» требует наличия законодательного акта в каждом конкретном случае; он требуется, только если - как в настоящем деле - нормы общего права настолько расплывчаты, что они не удовлетворяют принципу правовой определенности, который по утверждению заявителей составляет суть концепции, заключенной в этом выражении.

48. В пунктах 2 статей 9, 10 и 11 Конвенции и французский, и английский текст используют равнозначное выражение «предусмотрено законом» (*pruvues par la lois* и *prescribed by law*). Если, однако, во французском тексте то же самое выражение употреблено в п. 2 статьи 8 Конвенции, в статье 1 Протокола № 1 и в статье 2 Протокола

№ 4, то английский текст, соответственно, говорит иначе: «согласно закону» (*in accordance with the law*), «предусмотрено правом» (*provided for by law*) и «согласно праву» (*in accordance with law*). Таким образом, столкнувшись с несколькими версиями правоустанавливающего международного договора, которые является аутентичными, но не абсолютно одинаковыми, Суд должен дать им такое толкование, которое сблизило бы их настолько это возможно и способствовало бы реализации целей и достижению задач договора (см. постановление по делу *Вемхофа* от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 7, стр. 23, п. 8, и п. 4 статьи 33 Венской Конвенции от 23 мая 1969 г. о праве международных договоров).

49. По мнению Суда, из выражения «предусмотрены законом» вытекают следующие два требования. Во-первых, право должно быть в адекватной мере доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться «законом», пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность - пользуясь при необходимости советами - предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются более или менее расплывчатые термины: их толкование и применение - задача практики.

50. В настоящем случае вопрос о том, были ли выполнены требования доступности и предсказуемости, осложняется тем обстоятельством, что разные судьи исходили из различных принципов. Отделение Высокого Суда применило принцип, согласно которому актом неуважения к суду является попытка оказать общественное давление на одну из сторон процесса с целью оказать воздействие на урегулирование спора («принцип давления», см. п. 23 выше). На этот же принцип ссылались и отдельные члены Палаты лордов, тогда как другие ее члены предпочли ему принцип, по которому неуважением к суду является публикация материалов, предвосхищающих судебное решение или способных создать у общественности преждевременное представление об итогах незавершенного судебного спора («принцип предвосхищения», см. п. 29-33 выше).

51. Заявители не утверждают, что они не знали в обстоятельствах данного дела о «принципе давления». Его существование было признано адвокатом «Таймс ньюспейперс лтд.», который, как записано в протоколе слушаний, сказал в отделении Высокого Суда: «Эта статья, даже если она и оказывает давление на одну из сторон, вовсе не является неуважением к суду, потому что [высший общественный интерес] исключает квалификацию ее как правонарушения. Иначе говоря, даже если на первый взгляд статья и выглядит как неуважение к суду, высший общественный интерес служит достаточной защитой от того, что при других обстоятельствах было бы неуважением к суду». Кроме того, судья Апелляционного суда Филлимор сослался на «многочисленные прецеденты... свидетельствуют, что попытка возбудить общественное негодование против одной из сторон является серьезным неуважением к суду».

Суд также считает, что нет сомнения в том, что «принцип давления» был сформулирован с достаточной степенью точности, которая позволяла заявителям в необходимой степени предвидеть последствия публикации статьи. В деле «*Вайн продактс лтд.*» против *Грин* (1966 г.) судья Баклей сформулировал норму о неуважении к суду следующим образом: «Появление комментариев о текущем судебном процессе в любой форме, способной

причинить вред справедливому рассмотрению дела, явится со стороны любой газеты неуважением к данному суду. Произойти такое может по-разному... Может случиться так, что комментарий окажет тем или иным способом давление на одну из сторон по данному делу, как-то: помешает ей вести судебный процесс, побудит ее согласиться на мировое соглашение на таких условиях, которые она в других обстоятельствах не стала бы рассматривать, либо повлияет иным образом на ведение дела, где она должна быть свободна в выборе средств обвинения и защиты, пользуясь при этом советами, но не подвергаясь давлению».

52. Заявители утверждали, с другой стороны, что «принцип предвосхищения» является новым, а потому у них не могло быть адекватного указания на его существование. В подтверждение этой точки зрения заявители цитируют несколько источников, включая доклад Филлимора, где констатировалось, что Палата лордов «сформулировала совершенно иной критерий» (см. п. 18 выше). Суд отмечает в этой связи:

- в поданном заявителями меморандуме (п. 2.54) утверждается, что «принцип предвосхищения», как он был применен Палатой лордов к обстоятельствам настоящего дела, никогда ранее не использовался для обоснования судебных решений в английских судах *в подобных делах*» (выделено Судом);

- в 1969 г. Межминистерский комитет по подготовке Закона о неуважении к суду (см. п. 36 выше) заявил в п. 26 своего доклада, что «не существует зарегистрированных дел, где кто-либо был признан виновным в неуважении к суду по причине комментирования процессов без участия присяжных... Однако имеются мнения, которые поддерживают ту точку зрения, что подобный комментарий может вылиться в неуважение к суду»;

- в третьем (последнем на 1972 г.) издании «Законов Англии» Хэлсбери (т. 8, стр. 7 и след., п. 11-13) содержатся следующие места со ссылкой на прецедентное право: «...письменные высказывания... вызывающие предубеждение общественности против или в пользу стороны по делу, являются неуважением к суду... нет [ничего] более пагубного по своим последствиям, чем вызывать предубеждение в умах людей против лиц, выступающих стороной в процессе, прежде чем дело будет окончательно рассмотрено в суде... Неуважением к суду является публикация статьи в газете с комментарием о ведущемся процессе... по гражданскому делу... В таких случаях следует учитывать вред, который приносит тенденция подменять судом газет разбирательство в судах страны... С другой стороны, суммарную процедуру [при вынесении наказания за неуважение к суду] следует применять только тогда, когда велика вероятность того, что данная публикация может серьезно помешать справедливому судебному разбирательству».

Суд отмечает, что Палата лордов ссылалась на различные источники «принципа предвосхищения» и, в частности, на решение по делу *Хант против Кларка* 1889 г., где судья Коттон изложил его следующим образом: «Если кто-либо станет обсуждать в газете достоинства дела или свидетельские показания, которые могут быть даны по нему до того, как дело будет рассмотрено судом, то это, с моей точки зрения, будет серьезной попыткой вмешательства в надлежащее отправление правосудия. Нет необходимости, чтобы сам суд пришел к выводу, что у судьи или у присяжных могло сложиться предубеждение в отношении одной из сторон; для наличия вмешательства достаточно, чтобы статья мешала надлежащему рассмотрению дела судом. Это заслуживает соответствующего наказания, дабы не допускать подобного поведения». Более того, редактор «Санди таймс» в письменных показаниях, направленных в отделение Высокого Суда, признал: «Я получил юридическую консультацию, что [предполагаемая] статья... относится к иной категории, чем те статьи, что были опубликованы ранее, в том плане, что наряду с предоставлением информации, усиливающей моральную аргументацию в целях более справедливого

урегулирования дела, она включала данные по вопросу об ответственности, поставленному в судебном процессе по делу о талидомиде».

Суммируя вышесказанное, Суд не считает, что заявители не имели достаточной информации о существовании «принципа предвосхищения». Даже если у Суда и имеются некоторые сомнения, касающиеся точности, с которой данный принцип был сформулирован на период рассмотрения данного дела, он полагает, что заявители могли в разумной по обстоятельствам дела степени предвидеть риск столкновения с указанным принципом при публикации статьи.

53. Таким образом, вмешательство в осуществление заявителями свободы слова было «предусмотрено законом» в смысле статьи 10 п. 2.

В. Преследовало ли вмешательство правомерные цели в соответствии со статьей 10 п. 2?

54. С точки зрения заявителей, Правительства и меньшинства Комиссии, нормы о неуважении к суду служат целям защиты не только авторитета и беспристрастности правосудия, но также прав и интересов тяжущихся сторон.

Большинство Комиссии, с другой стороны, соглашаясь с тем, что этот правовой институт служит обеспечению справедливости правосудия и тем самым имеет цель, схожую с той, что предусмотрена п. 2 статьи 10, где говорится об обеспечении авторитета и беспристрастности правосудия, считало, что в ее задачу не входит отдельное рассмотрение того, насколько этот Закон служит делу защиты прав других лиц.

55. Суд подчеркнул, что выражение «авторитет и беспристрастность судебной власти» следует понимать «в смысле Конвенции» (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Кёнига* от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, стр. 29-30, п. 88), т. е. с учетом того, что ведущей в этом контексте является статья 6, где отражен основополагающий принцип господства права (см., например, постановление по делу *Голдера* от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, стр. 17, п. 34).

Понятие «судебная власть» охватывает механизм осуществления правосудия, ветвь государственной власти, а также самих судей при осуществлении ими своих должностных обязанностей. Выражение «авторитет судебной власти» выражает идею о том, что суды - это органы, призванные подтверждать юридические права и обязанности и решать споры о них; широкая публика должна воспринимать их в таковом качестве и с уважением и доверием относиться к способности судов выполнять данную функцию.

В этом контексте достаточно согласиться с описанием общих целей правовых норм о неуважении к суду, перечисленных в докладе Филлимора. Как можно увидеть из п. 18 выше, формы поведения, охватываемые нормами о неуважении к суду, относятся в основном либо к позиции судей, либо к функционированию судов и аппарата юстиции; эти нормы «обеспечивают авторитет и беспристрастность правосудия», что и является их целью.

56. В данном случае Суд разделяет точку зрения большинства Комиссии: в той мере, в какой нормы о неуважении к суду могут служить для защиты прав тяжущихся сторон, эта цель уже входит в выражение «обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия». Защищаемые таким образом права личности в качестве стороны в процессе, т.е. как лица, вовлеченного в механизм правосудия, нельзя обеспечить, если авторитет правосудия не будет распространен на каждого, кто оказался в его сфере. Поэтому нет необходимости рассматривать в качестве самостоятельного вопрос о том, преследует ли «неуважение к суду» такую цель, как защита «прав других лиц».

57. Остается рассмотреть, было ли целью вмешательства в осуществление заявителями права на свободу слова обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.

Ни один из членов Суда Палаты лордов, принимавших участие в рассмотрении дела, не основывал свое решение на том, что намеченная к опубликованию статья может повлиять на «беспристрастность» правосудия. Указанный довод никем перед судом не приводился и может не приниматься во внимание.

Причины, по которым проект статьи вызвал возражения Палаты лордов (см. п. 29-33 выше), можно коротко суммировать следующим образом:

- она «предвосхищала бы судебное решение» по вопросу о небрежности и вела либо к проявлению неуважительного отношения к правовой процедуре, либо к вмешательству в осуществление правосудия;
- ее содержание выставило бы компанию «Дистиллерс» на досудебный суд общественности, и подобное обсуждение дела по существу вызывает возражения, т.к. оно мешает судебному рассмотрению и сторонам процесса;
- она подвергала бы компанию «Дистиллерс» давлению и наносила ей ущерб предвзятым освещением вопросов, подлежащих судебному разбирательству, а нормы о неуважении к суду направлены на то, чтобы предотвратить подобное вмешательство;
- предвосхищение судебного решения в прессе неизбежно привело бы к возражениям участников процесса, создав тем самым угрозу «газетного разбирательства», что несовместимо с надлежащим отправлением правосудия;
- на судах лежит долг оградить стороны от вреда, наносимого тем, что преждевременные решения вовлекают их в водоворот досудебной полемики.

Настоящий Суд рассматривает все эти многообразные причины как соответствующие цели обеспечения «авторитета правосудия» в том виде, как он толкуется Судом во втором абзаце п. 55 выше.

Соответственно, вмешательство в осуществление заявителями свободы слова преследует правомерную цель в соответствии с п. 2 статьи 10.

С. Было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе» для обеспечения авторитета правосудия?

58. Согласно представлению заявителей и по мнению большинства Комиссии, указанное вмешательство не было «необходимым» в смысле п. 2 статьи 10. Правительство оспаривало это, утверждая, что меньшинство Комиссии было право, когда оно пришло к противоположному выводу, полагаясь главным образом на сферу усмотрения, которая предоставлена в данном вопросе Палате лордов.

59. У Суда уже была возможность изложить в упомянутом выше постановлении по делу Хэндисайда свое понимание выражения «необходимо в демократическом обществе», характер его функций при рассмотрении соответствующих вопросов и то, каким образом они осуществляются.

Суд отметил, что, хотя слово «необходимо» в смысле статьи 10 п. 2 не является синонимом слова «незаменимо», оно в то же время не обладает гибкостью таких выражений, как «допустимо», «обычно», «целесообразно», «разумно» или «желательно», и что оно подразумевает существование «неотложной общественной потребности» (стр. 22, п. 48).

Суд подчеркнул, что первоначальная обязанность обеспечить права и свободы, воплощенные в Конвенции, лежит на самих государствах-участниках. Соответственно, «п. 2 статьи 10 оставляет за Договаривающимися Государствами определенную сферу усмотрения. Эта сфера предоставлена как внутреннему законодателю... так и органам, в том числе и судебным, которые призваны толковать и применять действующее законодательство» (стр. 22, п. 48).

Тем не менее, п. 2 статьи 10 «не дает им неограниченной свободы усмотрения». «Настоящий Суд... вправе выносить окончательные решения о том, насколько то или иное ограничение совместимо со свободой слова в том виде, как она охраняется статьей 10. Таким образом, сфера внутреннего усмотрения идет рука об руку с европейским контролем, который «охватывает как закон, лежащий в основе решения, так и само решение, в том числе и вынесенное независимым судом» (там же, стр. 23, п. 49).

Из сочетания этих принципов Суд сделал вывод, что «в его задачу входит не подмена национальных судов, а контроль за соответствием статье 10 тех решений, которые они вынесли, осуществляя свое право на усмотрение» (там же, с. 23, п. 50).

Это не означает, что Суд ограничивается установлением того, действовало ли государство-ответчик при осуществлении своей свободы усмотрения разумно, тщательно и добросовестно. Даже когда государство-ответчик действует именно таким образом, оно остается под контролем Суда в отношении совместимости его действий с обязательствами, вытекающими для него из настоящей Конвенции. Суд по-прежнему не согласен с противоположной точкой зрения, которая защищалась Правительством и большинством Комиссии по делу Хэндисайда (стр. 21-22, п. 47).

Объем полномочий, предоставленных на усмотрение государств-участников, не одинаков в отношении различных целей, перечисленных в п. 2 статьи 10. Дело Хэндисайда касалось «защиты нравственности». Взгляды Договаривающихся Государств на «требования нравственности», отметил Суд, «меняются в зависимости от места и времени, особенно в современную эпоху», и «органы государственной власти в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы судить о точном содержании этих требований» (стр. 22, п. 48). Но этого же нельзя сказать о гораздо более объективном понятии, каковым является «авторитет правосудия». Внутреннее законодательство и практика Договаривающихся Государств обнаруживают значительно больше общего. Это нашло отражение в целом ряде норм Конвенции, включая статью 6, которая не содержит «нравственных критериев». Соответственно, здесь более широкой сфере европейского надзора будет соответствовать сужение сферы усмотрения государств.

В различных, но до некоторой степени сопоставимых контекстах п. 3 статьи 5 и п. 1 статьи 6 настоящий Суд не раз приходил к выводам, отличающимся от тех, к которым пришли национальные суды по вопросам, в отношении которых они были компетентны и квалифицированы, чтобы дать их первоначальную оценку (решение по делу *Неймастера* от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 8, стр. 9-15 и 38-40; постановление по делу *Стогмюллера* от 10 ноября 1969 г. Серия А, т. 9, стр. 11-24, 39 и 43-44; постановление по делу *Рингейзена* от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, стр. 24-34, и 42-44; постановление по делу *Кёнига* от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, стр. 16 *in fine*, 22, 23-24 и 33-40).

60. Как меньшинство Комиссии, так и Правительство придают большое значение тому факту, что институт неуважения к суду свойствен странам общего права, и высказали предположение, что заключительные слова п. 2 статьи 10 предназначались именно для того, чтобы охватить этот институт, который не имеет аналогов во многих других государствах - членах Совета Европы.

Однако если даже так оно и было, Суд полагает, что общая цель включения этих слов состояла в том, чтобы «уважение к суду» считалось правомерным в смысле статьи 10 п. 2, а не в том, чтобы превратить этот институт в эталон, по которому будет проводиться оценка «необходимости» той или иной конкретной меры. Даже если в какой-то мере последние слова статьи 10 п. 2 были «подсказаны» английскими нормами о неуважении к суду или иными аналогичными институтами внутреннего права, Суд не может принять их в таком же виде, т.к. они переносятся в автономный правовой контекст. Суд должен давать оценку «необходимости» в понятиях Конвенции; его роль заключается в том, чтобы проверять соответствие национальных правовых актов нормам данного договора.

Кроме того, Суд осуществляет надзор в свете всего дела в целом (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 50). Соответственно, он не должен терять из виду различные доводы и решения, изложенные в судебных материалах, которые суммированы выше в п. 22-35, а также широкое обсуждение в Англии института неуважения к суду и предложений по его реформированию. Относительно последнего Суд отмечает, что хотя правительственная «Зеленая книга» приводит аргументы как за, так и против некоторых рекомендаций комитета Филлимора, она не ставит под вопрос предложение о необходимости пересмотреть принцип «предвосхищения судебного решения», на который ссылалась Палата лордов (см. п. 37 выше).

61. Суд не может объявить, что судебный приказ не был «необходим», только на том основании, что его не отдали бы в условиях другой правовой системы. Как отмечалось в судебном постановлении по делу «*О языках в Бельгии*» от 9 февраля 1967 г., основная цель Конвенции заключается в том, чтобы «установить определенные международные стандарты, которые должны соблюдаться Договаривающимися Государствами в их взаимоотношениях с лицами, находящимися под их юрисдикцией» (Серия А, т. 5, стр. 19). Сказанное не означает требования абсолютного единообразия: Договаривающиеся Государства остаются свободными в выборе средств, которые они считают надлежащими, а Суд не может забывать об особенностях их материального и процессуального права (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «*О языках в Бельгии*» от 23 июля 1968 г. Серия А, т. 6, стр. 34-35).

62. Необходимо решить, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «неотложной общественной потребностью», было ли оно «соразмерным преследуемой правомерной цели», являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, «достаточными и соответствующими критериям статьи 10 п. 2» (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 22-24, п. 48-50). В этой связи Суд проанализировал предмет судебного запрета, состояние рассмотрения дела о лекарстве *талидомид* на соответствующий период времени и, наконец, сопутствовавшие делу обстоятельства, в которых был выдан судебный запрет.

63. Судебный запрет в той форме, в которой он был отдан Палатой лордов, был направлен не только против опубликования статьи в «Санди таймс» (см. п. 44 выше). Заявители утверждают, что он также препятствовал им передавать результаты своих исследований в некоторые правительственные комитеты и отдельным членам Парламента, не давал им возможности продолжать исследования, откладывал публикацию книги и лишал редактора «Санди таймс» права выступать с комментариями по данному вопросу или отвечать на критические выпады в его адрес. Формулировка судебного запрета была очень широкой и охватывала все перечисленные моменты; сама ее ширина требует особо тщательного анализа вопроса о «необходимости» такого запрета.

Тем не менее, основным предметом судебного запрета был проект статьи. Таким образом, необходимо в первую очередь установить, были ли представления национального суда

относительно потенциального воздействия статьи соответствующими задаче поддержания «авторитета правосудия».

Один из доводов, на которые ссылался этот суд, состоял в том, что давление, которое статья оказала бы на компанию «Дистиллерс», вынуждало последнюю урегулировать претензии по искам до решения суда на более выгодных условиях для истцов. Однако даже в 1972 г. публикация статьи вряд ли что-либо добавила бы к тому давлению, которое уже оказывалось на «Дистиллерс» (см. второй абзац п. 29 выше). В еще большей степени это применимо к ситуации, сложившейся в июле 1973 г., когда Палата лордов вынесла свое решение: к тому времени дело о талидомиде обсуждалось в Парламенте и стало предметом не только дальнейших комментариев в прессе, но и оказалось в центре общенациональной кампании (см. п. 13 и 14 выше).

В выступлениях в Палате лордов выражалась тревога, что должная правовая процедура может лишиться уважительного к себе отношения, а функции судов окажутся узурпированы, если мнение общественности по вопросам, являющимся предметом судебного разбирательства, будет сформировано до их рассмотрения судом или если участникам судебного процесса придется подвергнуться «суду прессы». Подобная озабоченность сама по себе соответствует задаче поддержания «авторитета правосудия» в том виде, как данное выражение понимается Судом (см. п. 55 выше). Если вопросы, возникающие в ходе рассмотрения спора в суде, предаются огласке таким образом, что это заранее ведет к формированию у общественности своего собственного по ним мнения, то она может утратить доверие и уважение к судам. Нельзя забывать и о том, что привычка общественности к регулярному зрелищу псевдосуда в средствах информации может иметь в конечном итоге пагубные последствия для восприятия судов как надлежащего места разрешения правовых споров.

Тем не менее, статья, предполагавшаяся к опубликованию в «Санди таймс», была выдержана в умеренных выражениях, она не представляла доказательства односторонне и не настаивала на том, что существует лишь один возможный исход рассмотрения данного дела, к которому должен прийти суд. Хотя она подробно анализировала доказательства против компании «Дистиллерс», в ней также суммировались доводы в защиту этой компании и делалось следующее заключение: «Похоже, в данном деле нет ясных ответов...» По мнению Суда, воздействие такой статьи, если бы она была опубликована, варьировалось бы от одного читателя к другому. Соответственно, даже в той мере, в какой данная статья могла создать у некоторых читателей мнение о виновности компании «Дистиллерс», это не имело бы отрицательных последствий для «авторитета правосудия», особенно учитывая, как отмечалось выше, проходившую в то время общенациональную кампанию.

С другой стороны, публикация предполагавшейся статьи вполне могла бы вызвать отклики. Однако подобное в большей или меньшей степени справедливо в отношении любой публикации, которая касается фактических обстоятельств и правовых вопросов какого-либо судебного процесса. Конвенция не намеревалась запретить публикации, посягающие на «авторитет правосудия». Более того, хотя конкретная причина судебного запрета может соответствовать основаниям п. 2 статьи 10, Суд не вправе вынести решение об этом без рассмотрения всех сопутствующих обстоятельств.

64. В момент первоначальной выдачи судебного запрета и в момент его восстановления дело о лекарстве *талидомид* перешло в стадию переговоров о мирном урегулировании. Заявители согласились с точкой зрения Апелляционного суда, что дело находится в «спящем состоянии», а большинство Комиссии полагало судебное рассмотрение маловероятным. Напротив, для Правительства и меньшинства Комиссии такой суд представлялся реальным.

Для принятия решения Суду нет необходимости точно оценивать состояние дела на соответствующий период времени: предотвращение вмешательства в переговоры о мирном урегулировании по незавершенному судебному процессу является не менее правомерной целью в соответствии со статьей 10 п. 2, чем предотвращение вмешательства на стадии судебного процесса. То же самое применимо и к процедуре судебного утверждения достигнутого мирового соглашения (см. п. 9 выше). Следует, однако, иметь в виду, что переговоры носили затяжной характер и проводились уже на протяжении нескольких лет, и что на тот самый момент, когда на публикацию статьи были наложены ограничения, дело еще не было передано в суд.

Возникает вопрос, почему в 1976 г. судебный запрет был отменен, причем со ссылкой на «принцип давления», а не на принцип «предвосхищения судебного решения» (см. п. 35 выше), поскольку в то время еще не было завершено рассмотрение не только ряда судебных дел, возбужденных родителями, но и назначенного к слушанию спора между «Дистиллерс» и ее страховщиками по вопросу о небрежности (см. п. 16 выше). Отмена судебного запрета в подобных обстоятельствах вызывает прежде всего вопрос о том, насколько необходим был такой запрет.

65. Правительство ответило, что требовалось найти равновесие между общественным интересом в свободе слова и заинтересованностью общества в справедливом отправлении правосудия; Правительство подчеркнуло, что судебный запрет явился только временной мерой, и в 1976 г. было найдено новое равновесие, когда ситуация изменилась и чаша весов склонилась на другую сторону.

Сказанное подводит Суд к проблеме обстоятельств, сопутствовавших делу о талидомиде и выдаче судебного запрета.

Как отметил Суд в своем постановлении по делу Хэндисайда, свобода слова представляет собой одну из основных опор демократического общества; при условии соблюдения требований статьи 10 п. 2, она применяется не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения (стр. 23, п. 49).

Эти принципы особенно важны в том, что касается прессы. Они в равной мере применимы к сфере отправления правосудия, которая служит интересам общества в целом и нуждается в сотрудничестве просвещенной общественности. Общеизвестно, что суды не могут действовать в вакууме. Хотя они и являются местом для разрешения споров, это не означает, что предварительное обсуждение споров не может происходить где-либо еще, будь то специальные журналы, широкая пресса или население в целом. Средства массовой информации не должны преступать рамки, установленные в интересах надлежащего отправления правосудия, но на них же лежит и обязанность распространять информацию и идеи, касающиеся вопросов деятельности судов, точно так же, как это происходит в других сферах деятельности, представляющих общественный интерес. Этой функции средств массовой информации сопутствует право общественности получать информацию (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Кьелдсен, Буск Мадсен и Педерсен* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 23, стр. 26, п. 52).

Для того, чтобы оценить, основывается ли вмешательство, ставшее объектом жалобы, на «достаточных» причинах, сделавших его «необходимым в демократическом обществе», следует принять во внимание такой аспект, как интерес к делу общественности. Суд отмечает в этой связи, что наряду с поиском равновесия между вступившими в конфликт интересами некоторые судьи - члены Палаты лордов - сформулировали абсолютное

правило, согласно которому не разрешается предвосхищать решение вопросов, поставленных перед правосудием; это ведет к неопределенности права (см. п. 29, 32 и 33 выше). Подчеркивая, что высказываться по поводу толкования английского права, данного Палатой лордов, не входит в его функцию (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Рингейзена* от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, стр. 40, п. 97), Суд указал, что он вынужден подойти к вопросу иначе. Суд стоит не перед лицом выбора между двумя конфликтующими принципами, а перед лицом принципа свободы слова, который является объектом ряда исключений, требующих в свою очередь ограничительного толкования (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, стр. 21, п. 42). Кроме того, надзорные функции Суда на основании статьи 10 охватывают не только само право, но и постановления по его применению (см. постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 49). Недостаточно, чтобы оспариваемое вмешательство принадлежало к категории исключений, перечисленных в п. 2 статьи 10, недостаточно и то, что вмешательство произошло из-за того, что содержание статьи оказалось в сфере действия правовой нормы, сформулированной в слишком общих или абсолютных выражениях: Суд должен удостовериться, что вмешательство было необходимым с учетом фактов и обстоятельств конкретного рассматриваемого им дела.

66. Вне всякого сомнения, катастрофа, связанная с талидомидом, вызвала серьезную озабоченность у общественности. На повестку дня встал вопрос о том, несет ли могущественная компания, выпустившая лекарство на рынок, правовую либо моральную ответственность перед сотнями людей, переживших ужасную личную трагедию, или ее жертвы могут требовать или надеяться на возмещение только от общества в целом; общественное внимание было привлечено к основополагающим проблемам, касающимся защиты и компенсации за вред, вызванный научными разработками; под вопросом оказались многие аспекты действовавшего законодательства по этим проблемам.

Как Суд уже отмечал, статья 10 гарантирует не только свободу прессы информировать общественность, но также и право общественности на получение необходимой информации (см. п. 65 выше).

В настоящем деле у семей многочисленных жертв трагедии, не знавших о связанных с делом юридических сложностях, имелся жизненно важный интерес ознакомиться со всеми лежащими в его основе обстоятельствами и различными путями возможного разрешения этих трудностей. Их можно было бы лишить этой столь важной для них информации, только если бы существовала абсолютная уверенность в том, что ее распространение представляет угрозу для «авторитета правосудия».

Призванный взвешивать вовлеченные в дело интересы и оценивать их сравнительную значимость, настоящий Суд отмечает следующее: в сентябре 1972 г. дело представляло собой, по словам заявителей, «правовой кокон», по крайней мере, на протяжении нескольких лет, и было не ясно, когда поданные родителями иски будут слушаться в суде. Не проводилось также и общественного расследования (см. п. 14 выше).

Правительство и большинство Комиссии указывают, что не существовало запрета на обсуждение «более широких проблем», таких, как принципиальный подход английского права к понятию небрежности. Действительно, в различных кругах общества велась широкая дискуссия по этому поводу, особенно после, но также и до первоначального решения отделения Высокого Суда (см. п. 11, 12 и 14 выше). Однако Суд считает попытку отделить вопрос о «небрежности» от «более широких проблем» довольно надуманной. Вопрос о том, на ком лежит ответственность за такого рода трагедию, также представляет общественный интерес.

Верно, что, если бы статья в «Санди таймс» появилась в намеченное время, компания «Дистиллерс» была бы вынуждена представить свои доводы, касающиеся фактической стороны дела, публично и до судебного разбирательства (см. п. 63 выше); однако факты не перестают вызывать общественный интерес только потому, что они лежат в основе незавершенного судебного разбирательства. Предав огласке некоторые факты, статья могла бы послужить своего рода тормозом на пути развертывания умозрительной и непросвещенной дискуссии.

67. Принимая во внимание все обстоятельства данного дела и основываясь на подходе, описанном в п. 65 выше, Суд пришел к выводу, что обжалуемое вмешательство не соответствует в достаточной степени неотложной общественной потребности, которая перевешивала бы заинтересованность общественности в осуществлении свободы слова в смысле Конвенции. Соответственно, Суд находит доводы в пользу наложенного на заявителей ограничения в соответствии со статьей 10 п. 2 недостаточными. Это ограничение оказалось несоразмерным преследуемой правомерной цели; оно не было необходимым в демократическом обществе для поддержания авторитета правосудия.

68. Соответственно, нарушение статьи 10 имело место.

II. О статье 14

69. Заявители также утверждают, что они стали жертвами нарушения статьи 10 в сочетании со статьей 14, которая предусматривает:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Они полагают, что это нарушение возникло из-за того, что:

- на аналогичные публикации в прессе не были наложены ограничения, схожим с теми, которым были подвергнуты публикации и деятельность заявителей;
- существовали серьезные расхождения между парламентскими правилами комментирования дел, находящихся на рассмотрении суда, и применяемыми к прессе нормами о неуважении к суду.

С точки зрения Правительства и Комиссии, в данном деле не было нарушения статьи 14 в сочетании со статьей 10.

70. Согласно сложившейся практике Суда статья 14 защищает индивида или группу людей, оказавшихся в схожей ситуации, от всякой дискриминации в пользовании правами и свободами, изложенными в нормативных положениях Конвенции и Протоколов к ней (см. вышеупомянутое постановление по делу «О языках в Бельгии» от 23 июля 1968 г., стр. 34, п. 10; постановление по делу *Национального профсоюза полиции Бельгии* от 27 октября 1975 г. Серия А, т. 19, стр. 19, п. 44).

71. То обстоятельство, что не было предпринято каких-либо шагов против других газет, например «Дейли мейл», не является достаточным доказательством того, что судебный запрет в адрес «Таймс ньюспейперс лтд.» представляет собой дискриминацию, противоречащую статье 14.

72. Относительно действующих в Парламенте правил (см. п. 20 выше) Суд отмечает, что члены Апелляционного суда указывали на нежелательность и, возможно, даже опасность

существования значительного расхождения в отношении рассмотрения вопросов, находящихся на рассмотрении суда, между практикой Парламента, стенограммы выступлений в котором публикуются, и практикой судов. Тем не менее, Суд придерживается мнения, что прессу и парламентариев нельзя рассматривать в качестве лиц, «находящихся в схожей ситуации», т. к. их соответствующие «обязанности и ответственность» существенно отличаются. Более того, дебаты в Парламенте от 29 ноября 1972 г. (см. п. 13 выше) не охватывали точно такой же круг вопросов, что и предполагавшаяся статья в «Санди таймс».

73. Таким образом, нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10 не имело место.

III. О статье 18

74. Перед Комиссией заявители дополнительно выдвинули претензию, основывающуюся на статье 18, которая предусматривает:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

Однако они не настаивали на этом перед судом в своем меморандуме от 10 февраля 1978 г. Мнение Комиссии по данному вопросу заключается в том, что нарушения статьи 18 в сочетании со статьей 10 не было.

Ни Правительство, ни Комиссия не затрагивали этот вопрос во время слушаний, хотя последняя упомянула о нем при передаче дела в Суд.

75. Суд отмечает позицию, занятую заявителями, и, учитывая обстоятельства дела, не считает нужным заниматься рассмотрением этого вопроса.

IV. О статье 50

76. Согласно статье 50 Конвенции, если Суд установит, «что решение или мера, принятые» какими-либо властями Договаривающегося Государства, «полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право» упомянутого [государства] «допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения», то «Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

Регламент Суда уточняет, что «в случае, когда Суд объявляет, что имело место нарушение положений Конвенции, он в том же постановлении выносит решение по вопросу о применении статьи 50 Конвенции, если этот вопрос был поднят в порядке, предусмотренном статьей 47 bis Регламента, и готов для разрешения; если он не готов для разрешения, Суд откладывает его рассмотрение, полностью или частично, и назначает дополнительное производство» (первое предложение п. 3 статьи 50 в сочетании с п. 3 статьи 48).

77. В своем меморандуме от 10 февраля 1978 г. заявители просили Суд о выплате им суммы, эквивалентной издержкам и расходам, которые они понесли в связи с процессами в английских судах и разбирательством дела в Комиссии и Суде. Однако заявители не конкретизировали своего требования, а во время слушаний 24 апреля 1978 г. их адвокат заявил, что они надеются, что сумма ущерба, который они понесли, может быть согласована во внесудебном порядке.

Во время состоявшихся на следующий день слушаний Суд, в соответствии с правилом 47 bis, предложил Правительству представить свои замечания по вопросу о применении

статьи 50 в данном случае. В заключительном письменном представлении заместителя Генерального атторнея говорилось, что Суду не придется рассматривать данный вопрос.

78. Суд принимает к сведению, что заявители ограничили свои требования вышеуказанными издержками и расходами, но не указали их сумму на настоящий момент. В таких обстоятельствах вопрос о применении статьи 50 Конвенции не готов для решения; поэтому Суд должен отложить вопрос и определить дальнейшую процедуру, принимая во внимание возможность, предусмотренную п. 5 статьи 50 Регламента Суда.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* одиннадцатью голосами против девяти, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 10 места не имело;

3. *Постановил* единогласно, что рассматривать вопрос о нарушении статьи 18 нет необходимости;

4. *Постановил* единогласно, что вопрос о применении статьи 50 не готов для решения; соответственно,

(a) *отложил* указанный вопрос целиком;

(b) *предложил* представшим перед Судом сторонам уведомить его в течение трех месяцев со времени вынесения настоящего постановления о любом урегулировании, к которому могут прийти Правительство и заявители;

(c) *откладывает* решение вопроса о дальнейшем производстве по этому вопросу.

Совершено на английском и французском языках, причем английский текст является аутентичным, и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 26 апреля 1979 г.

Джорджио Балладоре Паллиери Марк-Андре Эйссен

Председатель Секретарь

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 50 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

- совместное особое мнение судей Виарда, Кремоны, Тора Вильямсона, Риссдала, Гансгофа Ван Дер Меерша, сэра Джеральда Фицмориса, Биндшедлер-Роберт, Лиша и Матчера;

- совпадающее мнение судьи Зекиа;

- совпадающее мнение судьи О'Донохью;

- совпадающее мнение судьи Эвригениса;

Совместное особое мнение судей

Виарда, Кремоны, Тора Вильямсона, Риссдала,

Гансгофа ван дер Меерша, сэра Джеральда Фицмориса,

Биндшедлер-Роберт, Лиша и Матчера

1. Мы сожалеем, что не можем разделить мнение большинства наших коллег, посчитавших, что оспариваемое вмешательство в осуществление свободы слова противоречит Конвенции, потому что его нельзя считать необходимым в демократическом обществе для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия в смысле п. 2 статьи 10 Конвенции.

2. Палата лордов воспрепятствовала публикации статьи, о которой идет речь, т.к. она считала, что, опубликовав эту статью, «Санди таймс» окажется виновной в «неуважении к суду».

Следует отметить, что, имея в виду именно этот институт, свойственный странам общего права, в Конвенцию было введено ограничение свободы слова, направленное на поддержание авторитета и беспристрастности правосудия. Аналогичное ограничение неизвестно законодательству большинства государств-участников; оно отсутствовало в первоначальном тексте проекта Конвенции и было включено в него по предложению британской делегации.

Мы хотели бы напомнить, что, как признает и большинство, и меньшинство Комиссии, общая цель норм о неуважении к суду - обеспечить надлежащее отправление правосудия.

Эти нормы предусматривают, среди прочего, возможность запретить или наказать такое поведение, особенно прессы, которое является вмешательством в правосудие, в то время как дело находится на рассмотрении суда.

Какие бы различия во мнениях ни существовали относительно предосудительного характера той или иной публикации, неоднократно утверждалось, что должна существовать возможность запрета таких публикаций, которые грозят вызвать то, что называется «газетным судом» (см., например, речи лорда Рейда, лорда Морриса, лорда Диплока и лорда Кросса в Палате лордов, п. 29, 30, 31 и 33 решения Суда по настоящему делу; решение судьи лорда Деннинга в Апелляционном суде, п. 25 постановления Суда по настоящему делу; п. 110 доклада Филлимора и п. 11 «Зеленой книги»).

Институт неуважения к суду направлен на то, чтобы в отношении находящегося в производстве спора общественное мнение, пренебрегая гарантиями судебной процедуры, не определяло бы заранее исход спора, вследствие чего создается общественный климат, способный причинить вред надлежащему отпращиванию правосудия. С другой стороны, цель института неуважения к суду не в том, чтобы поставить судопроизводство вне всякой критики. Поэтому вряд ли было необходимо заявлять в этой связи, как это сделано в судебном решении, что «суды не могут действовать в вакууме» (см. п. 65 судебного постановления). Никто никогда и не думал ставить это под сомнение.

Вышесказанное должно быть принято во внимание при толковании и применении ограничения, налагаемого на свободу слова в целях поддержания «авторитета и беспристрастности правосудия» в смысле п. 2 статьи 10.

3. Судьи Палаты лордов привели разнообразные причины, почему они считали нужным запретить публикацию статьи. Для большинства лордов-судей основными причинами были, по нашему мнению, следующие:

- предполагаемая статья вносила в развернутую в прессе кампанию вокруг талидомида множество фактов, касающихся вопроса о возможной небрежности, допущенной компанией «Дистиллерс» при разработке, распространении и использовании талидомида;
- это делалось таким образом, что у читателя создавалось отчетливое представление о преступной небрежности компании «Дистиллерс»;
- отсюда следует, что благодаря публикации намеченной статьи вопрос о преступной небрежности, который являлся ключевым для исхода предстоящего рассмотрения в суде спора между родителями детей с физическими недостатками и компанией «Дистиллерс», оказывался предрешен прессой, хотя правосудие еще не вынесло своего вердикта в установленной законом судебной процедуре, гарантирующей сторонам их процессуальные права;
- «решение» дела прессой неизбежно спровоцировало бы ответ сторон по делу и было чревато риском «газетного разбирательства», что несовместимо с надлежащим отправлением правосудия;
- на суде лежит долг оградить стороны от вреда, наносимого им подобной ситуацией, и от необходимости самим участвовать в досудебной полемике.

Указанные основания полностью совместимы с целью той гарантии надлежащего отправления правосудия, которая выражена в Конвенции при помощи понятия «обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия».

Следует принять к сведению, что в той мере, в какой данные основания касаются защиты интересов сторон по делу, они находятся в соответствии с целью «защиты прав других лиц», которая также предусмотрена в п. 2 статьи 10.

4. Различия во мнении, отделяющие нас от наших коллег, касаются прежде всего необходимости вмешательства и сферы усмотрения, которая предоставляется в этой связи национальным властям.

5. Нужно ли было препятствовать публикации оспариваемой статьи и других статей такого рода для того, чтобы гарантировать надлежащее отправление правосудия? Из речей, звучавших в Палате лордов, можно увидеть, что, говоря о неуважении к суду, лорды-судьи задавали себе этот же вопрос. Так, лорд Рейд заявил ([1974]) А. С. 294): «[Институт неуважения к суду] служит для того, чтобы предотвратить вмешательство в отправление правосудия, и он должен, по моему разумению, ограничиваться тем, что является разумно необходимым для достижения такой цели». Аналогично лорд Кросс из Челси заметил следующее (там же, 322): «Когда предполагаемое неуважение к суду заключается в публичном или частном высказывании мнений, относящихся к судебным разбирательствам по делам гражданского или уголовного характера, этот институт представляет собой вмешательство в осуществление свободы слова, и я согласен со своим благородным ученым другом [лордом Рейдом], что нужно внимательно следить за тем, чтобы нормы, касающиеся неуважения к суду, не препятствовали пользованию свободой слова более, чем то разумно необходимо для того, чтобы обеспечить отсутствие вмешательства в отправление правосудия».

6. Когда Палата лордов решала вопрос о необходимости запрета, речь шла о применении национального права. С другой стороны, когда этот вопрос рассматривается нашим Судом, он делает это на основании статьи 10 Конвенции, которая преследует две цели, имеющие отношение к настоящему случаю: «свободу слова», гарантируемую в качестве основополагающего принципа организации демократического общества, и «авторитет и беспристрастность правосудия», гарантируемые в той мере, в какой их поддержание

оказывается необходимым в таком обществе. Суд должен учитывать эти две цели в связи с принципом соразмерности.

Для того чтобы определить, нужно ли было в данных обстоятельствах ограничивать свободу слова, гарантированную в п. 1 статьи 10 Конвенции, в интересах правосудия, указанных в п. 2 этой же статьи, необходимо взвесить, с одной стороны, последствия для свободы печати запрета публикации, о которой идет речь, или аналогичных ей публикаций, а с другой стороны, ущерб, который данные публикации могли нанести интересам надлежащего отправления правосудия по делам, рассматривавшимся в тот период времени. В контексте статьи 10 это означает, что нужно найти баланс между осуществлением прессой права, гарантированного ей п. 1 статьи 10, и необходимостью в соответствии с п. 2 ограничить осуществление этого права в целях «обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, стр. 28, заключительная часть п. 59). Конечно, нет необходимости напоминать о той важной роли, которую в Англии играет судебная власть в деле защиты основных прав и свобод.

7. Суд уже имел возможность, особенно в судебном постановлении по делу *Хэндисайда* от 7 декабря 1976 г., изложить правильный подход к толкованию и применению выражения «необходимо в демократическом обществе» в смысле п. 2 статьи 10 и указать, в чем состоят его обязанности, когда он сталкивается с вопросами толкования или применения данной статьи, и каким образом он собирается выполнять эти обязанности.

Суд заявил в указанном постановлении, что именно национальные власти проводят первоначальную оценку реальной неотложной общественной потребности, наличие которой подразумевает использование понятия «необходимо в демократическом обществе». Статья 10 п. 2 предоставляет в распоряжение государств - участников Конвенции сферу усмотрения, которой «пользуются как внутренний законодатель... так и государственные органы, в том числе и судебные, которые призваны толковать и применять действующее законодательство» (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 48).

Сфера усмотрения предполагает определенную свободу действий и прилагается главным образом к оценке меры опасности, которую конкретный случай осуществления свободы, обеспечиваемой п. 1 статьи 10, влечет для интересов, перечисленных в п. 2 статьи 10, и к набору мер, направленных на то, чтобы избежать такой опасности (см. вышеупомянутое постановление по делу *Класс и другие*, стр. 23 п. 49). При такой оценке, которая должна производиться разумно и тщательно, и основываться как на текущем положении дел в данной стране, так и на вероятном развитии событий, национальные власти в принципе более компетентны, чем международный суд.

8. Вместе с тем п. 2 статьи 10 не наделяет государств-участников неограниченной свободой усмотрения. Суду и Комиссии поручено обеспечить соблюдение этими государствами принятых на себя обязательств (статья 19). Суд компетентен решать вопрос о совместимости «ограничений» или «санкций» со свободой слова в том виде, как она охраняется статьей 10. Таким образом, внутренняя сфера усмотрения сопровождается европейским контролем (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 49). Этот контроль призван в первую очередь установить, действовали ли национальные власти добросовестно, тщательно и разумно при оценке фактов и обстоятельств, а также определить опасность, которая могла возникнуть для интересов, перечисленных в п. 2 статьи 10; далее, он должен следить за тем, чтобы в обществе, которое хочет остаться демократическим, меры по ограничению свободы слова были соразмерными преследуемой правомерной цели (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 49; и постановление по делу *Класс и другие*, стр. 23, п. 49).

Хотелось бы напомнить, что не может быть демократического общества, если «плюрализм, толерантность и либерализм» (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 49) не находят в нем эффективных способов выражения в системе государственных институтов, и если эта система не строится на началах господства права, не предусматривает эффективного контроля за действиями исполнительной власти со стороны органов правосудия без ущерба для парламентского контроля (см. вышеупомянутое постановление по делу *Класс и другие*, стр. 25-26, п. 55) и не обеспечивает уважения человеческой личности.

Соответственно, хотя в задачи настоящего Суда не входит подмена компетентных национальных судов, в порядке контроля он должен на основании толкуемой таким образом статьи 10 рассматривать решения, вынесенные этими судами при осуществлении ими предоставленной им свободы усмотрения (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 50).

9. В деле *Хэндисайда*, касавшемся публикации, запрет которой национальные суды посчитали необходимым «для охраны нравственности», Суд счел, что компетентные внутренние суды в соответствующий период времени «были вправе полагать», что указанная публикация могла оказать пагубное воздействие на нравственное здоровье тех детей и подростков, которые бы прочли ее.

В данном случае Суд обязан рассмотреть вопрос, была ли Палата лордов «вправе полагать», что публикация статьи, о которой идет речь, оказала бы в соответствующий период времени негативное воздействие на отправление правосудия в отношении незавершенного судебного разбирательства по данным искам.

Для большинства наших коллег сфера усмотрения национальных властей по вопросам, касающимся поддержания авторитета правосудия, должна быть уже, чем сфера усмотрения, которая согласно судебному постановлению по делу *Хэндисайда* должна быть оставлена им в отношении охраны нравственности. Наши коллеги утверждают, что понятие «авторитет правосудия» является гораздо более объективным, чем понятие «нравственность», и что внутреннее законодательство и практика Договаривающихся Государств обнаруживают значительно больше общего в отношении первого понятия, и что данное общее основание находит отражение в целом ряде статей Конвенции, включая статью 6 (см. п. 59 постановления).

Мы не можем разделить эту точку зрения.

Хотя в отношении содержания статьи 6 между Договаривающимися Государствами, возможно, и существует достаточно широкая степень общности, тем не менее остается фактом, что институты и процедура судопроизводства могут существенно меняться от одной страны к другой. Таким образом, вопреки тому, что считает большинство Суда, понятие авторитета правосудия ни в коей мере не отделено от национальных особенностей, и не может быть определено как единообразное. Более того, следует отметить, что настоящий случай не затрагивает вопросов, регулируемых статьей 6, а выясняет, могла или нет публикация о споре, находящемся в производстве, помешать надлежащему отправлению правосудия. Надлежащее отправление правосудия зависит, помимо того, что упомянуто в статье 6, от соблюдения других процессуальных норм и от удовлетворительного функционирования судебных учреждений.

Вышеприведенные рассуждения сохраняют свое значение в отношении действий или ситуаций, способных поставить под сомнение должное функционирование правосудия, оценить которые можно лишь с учетом национальных условий на данный период времени. Таким образом, национальные власти призваны осуществлять первоначальную

оценку опасности, угрожающей авторитету правосудия, и судить о том, какие ограничительные меры потребуются для борьбы с этой опасностью. Соответствующие ограничения могут варьироваться в зависимости от особенностей правовой системы и традиций данной страны. В пределах, совместимых с требованиями, предъявляемыми к демократическому обществу, заинтересованное государство свободно само определять, какие методы будут наиболее подходящими для поддержания авторитета правосудия (см. *mutatis mutandis* постановление от 23 июля 1968 г. по существу дела «О языках в Бельгии», Серия А, т. 6, стр. 34-35).

10. В Соединенном Королевстве «институт неуважения к суду» служит одним из инструментов, обеспечивающих надлежащее функционирование судов. Как уже отмечалось ранее, авторы Конвенции имели в виду именно этот институт, когда вводили понятие «обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (см. п. 2 выше).

Задача обеспечить соблюдение норм о неуважении к суду выпала на долю национальных судов. В этом отношении нам представляется бесспорным, что Палата лордов более компетентна, чем наш Суд, в решении вопроса о том, соответствовало ли данное ограничение свободы слова интересам поддержания авторитета правосудия в Соединенном Королевстве, было ли оно необходимо в демократическом обществе в конкретных обстоятельствах, которые надлежит оценивать Палате лордов.

Это не следует понимать в том смысле, что всякое ограничение свободы слова, которое внутренний суд признал необходимым для обеспечения уважения к суду, должно в обязательном порядке рассматриваться как необходимое в соответствии с Конвенцией.

В принципе, следует уважать данную внутренними судами оценку вредных последствий, которые конкретная публикация могла бы иметь для надлежащего отправления правосудия в Соединенном Королевстве; тем не менее не исключена вероятность, что принятые меры выйдут за границы того, что рассматривается как «необходимое в демократическом обществе» в смысле п. 2 статьи 10 (см. п. 7 выше). При осуществлении контроля Суд должен уделить особое внимание этой ситуации.

11. Как явствует из фактов, изложенных в п. 11-14 судебного постановления, запрещенный проект статьи был одним из многочисленных репортажей о трагедии, публиковавшихся через разные промежутки времени начиная с 1967 г. «Санди таймс» и другими газетами. Эти репортажи были предназначены отчасти для того, чтобы информировать общественность, а отчасти для того, по крайней мере в том, что касалось «Санди таймс», чтобы оказать давление на компанию «Дистиллерс» и улучшить предлагаемые ими условия компенсации пострадавшим.

Хотя в соответствующее время целый ряд исков о возмещении вреда, предъявленных родителями к компании «Дистиллерс», ожидал рассмотрения в суде, кампания в прессе не вызвала какой-либо реакции, требующей вмешательства суда. Единственный запрет был издан в отношении указанной статьи - предмета настоящего разбирательства, - проект которой был передан газетой «Санди таймс» заместителю Генерального атторнея с целью удостовериться, что ее публикация не будет актом неуважения к суду. По мнению Палаты лордов - суда последней инстанции, запрет был вызван весьма специфическим характером данной статьи в отличие от более ранних репортажей. По мнению лордов-судей, ее особый характер состоял в том, что в статье приводилось множество ранее не публиковавшихся фактов, касавшихся вопроса о виновности компании «Дистиллерс». В статье была предпринята попытка пересмотреть имеющиеся доказательства, и сделано это было таким образом, что создавалось впечатление, что компания «Дистиллерс» допустила преступную небрежность. Таким образом, публикация данной статьи как бы «предвосхищала» решение по данному, ключевому вопросу спора, находящегося на

рассмотрении суда. Такое «предвосхищение» неизбежно вызвало бы ответ со стороны компании «Дистиллерс» и привело к «газетному суду», что помешало бы нормальному течению предстоящего судебного процесса.

По мнению некоторых лордов-судей, статья представляла собой акт неуважения к суду также и потому, что она оказывала давление на компанию «Дистиллерс» с целью убедить ее мирно урегулировать дело и не полагаться на использование судебных средств защиты. Некоторые лорды полагали, что в период, когда дело ждет рассмотрения в суде, вызывает возражения любое «предвосхищение решения» независимо от конкретного ущерба, который оно действительно может вызвать. Мы не считаем необходимым рассматривать все эти основания, т. к. с нашей точки зрения они, по-видимому, не играли определяющей роли для решения суда. В данном случае публикация, о которой идет речь, специально рассматривала фактические обстоятельства, существенные для обвинения в преступной небрежности, и доказательства, приводимые в поддержку этих утверждений. Именно публикации подобного рода создают риск, которого Палата лордов своим решением хотела избежать.

Вот почему мы полагаем, что Палата лордов, оценив все указанные факторы, «имела основания считать», что публикация статьи отразилась бы на судебном процессе и могла нанести ущерб надлежащему отправлению правосудия и поставить под сомнение авторитет суда. Национальный судья, конечно, находится в лучшем положении, чем настоящий Суд, чтобы определить, будет ли публикация о предмете судебного разбирательства «преждевременным решением» и повлечет ли она риск «газетного процесса».

12. Заявители утверждали в Суде, что судебные дела, возбужденные родителями против компании «Дистиллерс», были в рассматриваемый период «спящими». В своем докладе Европейская Комиссия по правам человека посчитала маловероятным, что, во-первых, огромное количество дел, по поводу которых тогда шли переговоры, завершилось бы судебным решением, а во-вторых, по делам, в которых родители по принципиальным соображениям не желали идти на мировое соглашение, в обозримом будущем будут приняты судебные решения.

Оценка состояния судебных дел, о которых идет речь, зависит от того, что можно ожидать от переговоров о мирном урегулировании, на которое некоторые родители согласны, и эти дела будут прекращены производством, тогда как другие будут продолжены. Другими словами, - от того, каковы более или менее ближайшие перспективы либо мирного урегулирования, либо вынесения судебного решения.

Для подобной оценки, которая охватывает значительное число современных событиям фактов и процессуальных моментов, национальный судья находится, в принципе, в более благоприятном положении, чем настоящий Суд (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 22, п. 48). С нашей точки зрения, Палата лордов «имела основания полагать», что в тогдашних обстоятельствах соответствующие дела не могли рассматриваться как «спящие».

13. Изложенные выше соображения подводят нас к выводу, что оценка национальными судами риска того, что указанная статья может помешать надлежащему отправлению правосудия, а также их оценка необходимости запретительной меры в контексте внутреннего права, должны рассматриваться как разумные.

Как уже отмечалось (см. п. 8 и 10 выше), тем не менее именно настоящему Суду предстоит определить, был ли судебный запрет этой публикации соразмерен преследуемой законной цели, и может ли он считаться необходимым в демократическом

обществе для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия в смысле п. 2 статьи 10.

Для этого Суд должен принять во внимание не только интересы правосудия, которые, как это видно из решений национальных судов, обусловили необходимость запрета, но также и последствия данной меры для свободы печати, которая гарантируется настоящей Конвенцией как одна из главных опор «демократического общества» и существенное условие для прогресса и развития общества (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 23, п. 40).

В запрещенной статье речь шла о трагедии, в высшей степени затрагивающей общий интерес. Как справедливо указала Комиссия, в подобной ситуации объективная оценка преступной небрежности приобретает публичный интерес: анализ того, на ком лежит ответственность, и процесс информирования общественности, без сомнения, являются законными функциями прессы.

Однако нельзя упускать из виду, что ограничение свободы печати решением Палаты лордов не равносильно общему запрету на обсуждение трагедии, вызванной талидомидом. Запрет носил ограниченный характер как по предмету, так и по сроку действия.

14. «Санди таймс» было запрещено публиковать статьи, которые «предвосхищали судебное решение» по вопросу о небрежности либо оценивали фактические доказательства, ставшие основой исков.

Свобода публиковать другую информацию или выносить суждения по иным аспектам дела осталась незатронутой; собственно, ничто не препятствовало «Санди таймс» продолжать свои публикации, воздерживаясь при этом от «предвосхищения судебного решения» или рассмотрения соответствующих доказательств. Это, в частности, относилось как к критике английских норм об ответственности производителей продукции, так и к оценке моральной стороны дела. Поэтому трудно, по-видимому, поддержать точку зрения, высказанную в настоящем постановлении, что это ограничение носило искусственный характер (см. п. 66 судебного постановления).

Более того, содержащееся в настоящем постановлении предположение, что публикация статьи «Санди таймс» была нужна как единственный способ, благодаря которому семьи пострадавших могли получить необходимую информацию, представляется нам неверным, т. к. они пользовались советами юридической фирмы, которой была хорошо известна большая часть существенных обстоятельств дела. Есть веские основания полагать, что сама «Санди таймс» получила информацию от этих юристов (см. п. 16 судебного постановления).

15. Относительно длительности запрета следует отметить, что единственной целью его выдачи было добиться того, чтобы на протяжении определенного периода времени преждевременные публикации не нанесли вреда надлежащему отправлению правосудия по этому специфическому судебному спору. По мнению Палаты лордов, необходимость запретить публикацию статьи была обусловлена состоянием незавершенного судебного разбирательства по этим делам на момент запрета. Лорды предвидели, что ситуация, по всей видимости, изменится даже до того, как судебный процесс полностью завершится, что баланс между интересами правосудия и свободой печати, возможно, изменится и судебный запрет может быть отменен.

В этой связи поучительным нам представляется заявление лорда Рейда ([1974] А. С. 301): «Цель норм о неуважении к суду не в том, чтобы предотвратить публикацию таких материалов, а в том, чтобы ее отложить. Полученная нами информация дает основания

надеяться, что скоро может появиться общая схема урегулирования споров вокруг этого несчастья. Тогда можно будет позволить публикацию таких материалов. Но если бы дело тянулось неизвестно сколько, так что не было бы никаких близких перспектив мирового соглашения либо слушания дела в суде, тогда, я думаю, было бы уместно пересмотреть данную оценку общественного интереса применительно к такой уникальной ситуации». Следует принять к сведению замечание, которое сделал лорд Кросс из Челси (там же, 325): «ничто не мешает ответчикам [«Санди таймс»] обратиться с ходатайством об отмене [судебного запрета], если они считают, что в свете существующих фактов им удастся убедить суд в том, что для продления его действия больше нет оснований».

Из представленных доказательств не видно, чтобы «Санди таймс» обращалась с подобным ходатайством до того, как запрет был отменен по просьбе Генерального атторнея на том основании, что общественный интерес более не требовал его сохранения. И действительно, ситуация вокруг дела о талидомиде к тому времени изменилась. После утверждения мирового соглашения между большинством родителей и компанией «Дистиллерс» судебный запрет продолжал действовать только в отношении нескольких сохранившихся дел, но по прошествии некоторого времени стало ясно, что производство по этим делам активно вестись далее не будет.

У нас нет достаточных оснований полагать, что ситуация оправдывала более раннюю отмену судебного запрета. Как уже указывалось выше, все указывает на то, что такого решения не стремились добиться и сами заявители.

16. В свете изложенных выше соображений мы делаем вывод, что вмешательство в осуществление свободы печати, которое в данном случае национальные суды сочли необходимым санкционировать в соответствии с нормами о неуважении к суду и в интересах отправления правосудия, не вышло за пределы того, что считается необходимым в демократическом обществе для обеспечения «авторитета и беспристрастности правосудия» в смысле п. 2 статьи 10.

Основываясь на поступивших в Суд материалах, мы не считаем нарушение требований статьи 10 установленным.

Совпадающее мнение судьи Зекиа

Первая часть

При толковании и применении п. 1 и 2 статьи 10 Конвенции в связи с предполагавшейся публикацией статьи «Санди таймс» о плачевной участи жертв талидомида необходимо сделать упор на цель и объем гарантий, предоставляемых соответствующими статьями Конвенции.

Мы имеем полный отчет обо всех обстоятельствах дела. Представлены соответствующие документы. Указаны соответствующие нормативные и судебные решения. Точки зрения участвующих в деле сторон исчерпывающим образом изложены в меморандумах и контрмеморандумах, представленных в ходе разбирательства и во время слушаний. Суд имел все возможности для полного ознакомления с материалами дела, прежде чем он приступил к выполнению своей задачи.

В связи со статьей 10 возникают две спорные проблемы, по которым требуется вынести решение. Я предлагаю сформулировать их в виде двух вопросов.

Вопрос № 1

Укладывалось ли ограничение, наложенное судебным запретом на право опубликовать статью в «Санди таймс», в понятие «предусмотрено законом» согласно целям и задачам Конвенции в общем и статьи 10 в частности?

Вопрос № 2

Было ли такое ограничение «необходимо в демократическом обществе» для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия и/или защиты репутации или прав других лиц, как того требует п. 2 статьи 10?

Утвердительный ответ на вопрос № 1 является неперенным условием для возможности аналогичного ответа на вопрос № 2.

Мой ответ на вопрос № 1 отрицательный. Я постараюсь изложить мои мотивы по возможности кратко:

(1) Статья 1 Конвенции гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». В п. 1 статьи 10 раздела I говорится: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...»

При установлении смысла, объема и предмета ограничений, вводимых на основании закона, о которых говорится в п. 2 той же статьи 10, нельзя терять из виду то обстоятельство, что право на свободу слова, предоставленное каждому человеку, должно разумно обеспечиваться, использоваться или осуществляться. Оба пункта взаимосвязаны. Всякое ограничение, затрагивающее осуществление права на свободу слова, должно быть достаточно предвидимым или предсказуемым. Невозможно пользоваться или осуществлять право на свободу слова, если пользование таким правом ставится в зависимость от закона, принципа или нормы, изобилующих неопределенностями. Это было бы равнозначно неподобающему ограничению и даже отрицанию свободы слова как таковой. Поэтому я стою на той точке зрения, что выражение «предусмотрено законом» означает наличие такой нормы, которая налагает ограничения, поддающиеся разумному распознаванию. Она может быть предписана в законодательном порядке, либо быть четко выраженной общим правом.

Я согласен с заявителями в том, что нормы общего права о неуважении к суду, относящиеся к публикациям о незавершенных гражданских делах, не соответствуют формуле «предусмотрено законом» в рамках и целях п. 1 и 2 статьи 10 Конвенции. Я отмечаю, что Комиссия в своем докладе просто исходила из предположения, что ограничения, наложенные на заявителей, были предусмотрены законом, и что сомнения по поводу этого предположения прозвучали лишь в выступлении главного представителя Комиссии во время слушаний.

(2) Будет или нет конкретная публикация в прессе или других средствах информации рассматриваться как неуважение к суду в связи с незавершенным судебным разбирательством по гражданскому делу, зависит от применяемых критериев или оценок. Существует целый ряд такого рода критериев. Нет какой-либо устоявшейся или единообразной практики в отношении того, какими критериями следует пользоваться в том или ином конкретном случае, а результаты могут отличаться в зависимости от выбора критериев.

(3) Критерии, используемые при применении норм о неуважении к суду в отношении запрета публикаций в прессе, настолько разнообразны и субъективны по своей природе, что очень трудно предвидеть в каждом конкретном случае, что может быть применено и с какими последствиями.

Разительный пример неопределенности и неудовлетворительного состояния норм о неуважении к суду применительно к гражданским делам можно найти в противоречивых мнениях, высказанных лордами-судьями по поводу статьи в «Санди таймс» о трагедии с талидомидом.

Согласно лордам Диплоку и Симону, правонарушение «неуважение к суду» имело место, тогда как лорды Рейд и Кросс полагают, что, напротив, его не было.

Спорные правовые моменты могут возникать при толковании как законодательного текста, так и норм общего права. Но ситуация будет уже иной, когда мы имеем дело с институтом общего права - неуважением к суду, который еще не настолько устоялся, чтобы были веские основания считать его сформировавшейся частью общего права. Имеется ряд принципов, относящихся к данному правовому институту. Эти принципы могут оказаться полезными при толковании действующего права, но они не заменяют норм, которые не приняты либо не созданы в общем праве. Но я очень сильно сомневаюсь, что одну лишь совокупность принципов можно было бы рассматривать как нечто эквивалентное закону.

(4) Видные судьи, пользующиеся большим уважением в Англии, описывают тот институт общего права о неуважении к суду как неопределенный, непоследовательный и сильно страдающий от недостатка четкости. Лорд Рейд в решении Палаты лордов по настоящему делу заявил (см. стр. 294): «Я не могу не согласиться с тем утверждением доклада «Право и пресса» (1965 г.), что основное возражение против действующих норм о неуважении к суду вызвано их неопределенностью».

Лорд Деннинг, председатель Апелляционного суда, выступая перед Комитетом Филлимора по вопросу о том, с какого момента гражданский спор, находящийся в ожидании судебного разбирательства, может влиять на возможность публикации в прессе, заявил: «Я полностью за то, чтобы вопрос получил разъяснение. В настоящее время газеты колеблются, не зная, должны ли они выступать с комментариями в общественных интересах. Причина в том, что они боятся делать это из-за неопределенности в праве. Я думаю, надо дать им надежные ориентиры».

Когда лорда Салмона спросили, с какого момента должны вступать в действие нормы о неуважении к суду применительно к гражданским делам, он заявил (там же): «Ни с какого, потому что никакого неуважения быть не может. Я подчеркиваю - ни с какого момента. Естественно, их вовсе не следует применять, когда дело рассматривается единолично судьей. Я думаю, что нормы о диффамации охватывают все, что только может быть сказано по гражданскому делу, а если какой-либо судья будет находиться под впечатлением от того, что говорят или пишут, то он не годится в судьи».

В части V доклада Филлимора, где содержится резюме выводов и рекомендаций, на 92-й странице говорится: «(4) В действующем праве содержится ряд неопределенностей, которые мешают свободе печати и ограничивают разумное пользование ею... (5) Одна из неопределенностей касается временных рамок действия норм о неуважении к суду, т.е. вопроса о том, с какой стадии судебного разбирательства эти нормы применимы к публикациям, и до какого момента они действуют в каждом конкретном случае».

На эти вопросы нельзя ответить с достаточной степенью четкости из-за отсутствия ясности в нормах о неуважении к суду.

(5) Правонарушение в виде неуважения к суду является уголовно наказуемым, т. е. влечет за собой тюремное заключение и штраф и/или внесение залога как гарантии хорошего поведения в будущем. Раз это так, то основополагающий принцип, который требует четкого и недвусмысленного определения правонарушения или преступления, применим также и к рассматриваемому правонарушению в виде неуважения к суду. Применяемая к делам о неуважении к суду процедура суммарного производства создает и другую сложность, а именно: в какой мере эта процедура совместима со статьей 6 Конвенции?

(6) Право прессы на свободу слова, несомненно, является одной из основных характеристик демократического общества, и оно незаменимо для обеспечения свободы и демократии в стране. В соответствии со статьей 1 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны взяли на себя обязательство обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права, перечисленные в разделе I Конвенции, а о свободе прессы говорится именно в этом разделе. Осуществление этого права и пользование им не может быть обеспечено в достаточной мере, если этому препятствуют правовые нормы или принципы, которые непредсказуемы и не могут быть однозначно истолкованы даже квалифицированным юристом.

Принцип предвосхищения судебного решения, развиваемый Палатой лордов, в данном случае не снимает проблему, с которой мы сталкиваемся в силу статьи 10. Тому есть две причины:

(а) Даже если предположить, что Палата лордов зафиксировала этот институт, то датой, с которой следует определять, подпадает или нет этот институт общего права под действие формулы «предусмотрено законом», служит день, когда проект статьи в «Санди таймс» поступил на рассмотрение в отделение Высокого Суда, а не в Палату лордов. В устных пояснениях сторон во время слушаний дела в Суде делались ссылки на полномочия Палаты лордов как высшей судебной инстанции. По мнению заявителя, лорды-судьи своим решением по делу дали совершенно новое определение института неуважения к суду применительно к гражданским делам. Правительство-ответчик не согласилось с этим соображением.

В задачу нашего Суда не входит решение вопроса о том, правомочна ли Палата лордов как высшая судебная инстанция страны изменять, дополнять, создавать или улучшать общее право, исходя из потребностей времени и обстоятельств?

За лордами-судьями не признается право «создавать право», они лишь объявляют, что является правом. Однако адвокат заявителей в своем представлении говорит, что это - фикция, и что Палата создала новый правовой институт.

Однако выяснение вопроса, изменила ли или дополнила Палата лордов своим судебным решением рассматриваемый нами институт общего права о неуважении к суду, вполне может стать нашим делом. Если судебное решение действительно дополнило или изменило нормы о неуважении к суду, то тогда вступает в дело статья 7 Конвенции. Лично я склоняюсь к точке зрения, высказанной заявителями, но я удовлетворюсь ссылкой на данный аспект дела как на еще один источник неопределенности в рассматриваемом институте неуважения к суду и не более того.

(b) Принцип предвосхищения судебного решения не дает прессе достаточно надежного ориентира для принятия решений по поводу опубликования тех или иных материалов. Если понимать его как абсолютное правило, о чем говорил лорд Кросс, то он препятствует

появлению даже безобидных публикаций, где случайно затрагиваются вопросы и доказательства, фигурирующие в судебном процессе, чем исключается возможность ситуации, когда рассмотрение дела в суде уступает место суду в газетах или других средствах информации. Мне представляется, что это чрезмерно ограничительное абсолютное правило, которое трудно примирить со свободой прессы. В вопросах, вызывающих озабоченность общественности, таких как общенациональная трагедия, связанная с талидомидом, было бы очень непросто избежать того, чтобы так или иначе не коснуться проблем и доказательств, связанных с судебным процессом.

Разнообразие критериев, которые были применены в этом деле главным судьей отделения Высокого Суда Виджери, лордом Деннингом и его коллегами из Апелляционного суда, а также критерий, на который ссылалось большинство Палаты лордов, как нельзя лучше иллюстрируют неудовлетворительное состояние норм и принципов института неуважения к суду применительно к публикациям в прессе материалов о незавершенном судебном процессе по гражданским делам. Это особенно хорошо видно, когда публикации по вопросу, представляющему общественный интерес, добросовестны, факты и ход процесса в них не искажены, и нет умысла вмешиваться в процесс отправления правосудия и создавать ему преграды.

Вывод по вопросу № 1

С моей точки зрения, институт общего права о неуважении к суду, применительно к публикациям в прессе и других средствах информации в связи с незавершенным судебным разбирательством по гражданским делам, не сложился и отличался - по крайней мере на рассматриваемый период времени - неопределенностью, а его содержание не поддавалось определению даже при помощи квалифицированного юриста. Поэтому он не может быть достаточным в свете формулы «предусмотрено законом», предопределяющей применение п. 1 и п. 2 статьи 10 Конвенции. Выражение «предусмотрены законом» в контексте данной статьи означает не просто «разрешены правом», а подразумевает закон, который с достаточной полнотой описывает условия наложения ограничений на осуществление прав и свобод, содержащихся в п. 1 статьи 10. Как мы уже говорили ранее, право на свободу прессы могло бы сильно пострадать, если бы сотрудники прессы, проявив разумную тщательность и опираясь на советы юриста, не смогли получить информацию и уяснить себе, какие риски и ловушки лежат на их пути из-за неопределенности норм института неуважения к суду.

Вторая часть

Вопрос № 2

Был ли судебный приказ, запретивший «Санди таймс» опубликовать указанную статью, «необходим» в демократическом обществе для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия и/или защиты прав других лиц?

Независимо от ответа на вопрос № 1, мой ответ на этот вопрос также отрицателен. Однако по второму вопросу я скажу значительно меньше, т. к. я со всем уважением присоединяюсь к основным доводам, изложенным в решении большинства настоящего Суда.

Я уже говорил, насколько значимо в демократическом обществе право прессы на свободу слова; в равной мере первостепенную важность имеет поддержание авторитета и беспристрастности судов и защита прав сторон, обратившихся к ним за помощью. По этому вопросу я хотел бы процитировать отрывок из судебного решения, вынесенного лордом Моррисом в Палате лордов (стр. 302):

«В интересах всего общества, чтобы авторитету судов ничто не угрожало, а обращение в них за помощью не становилось объектом неоправданного вмешательства. Такое неоправданное вмешательство наказывается не потому, что те, на кого возложена задача отправления правосудия, беспокоятся за свое собственное достоинство; это делается потому, что сама структура организованной жизни может оказаться в опасности, если с судами страны будут обращаться так, что их авторитет сойдет на нет. Но так как защита свободы всех членов общества в рамках права является целью и смыслом существования судов в обществе, очевидно, что суды никогда не должны подвергать свободу слова и свободной дискуссии никаким ограничениям, кроме тех, что являются *абсолютно необходимыми* (курсив мой)».

Хотя я согласен с приведенными выше заявлениями лорда Морриса, при практическом применении содержащихся в них указаний к обстоятельствам данного дела я, как член настоящего Суда, прихожу к другому выводу.

Критерии Европейского Суда по правам человека при оценке необходимости, требуемой для введения ограничений на осуществление прав и свобод, перечисленных в статье 10 Конвенции, нередко могут отличаться от тех, что установлены национальными судами.

Несомненно, следует постоянно иметь в виду принцип свободы усмотрения, признанный правоприменительной практикой Суда, однако разрыв между двумя системами норм, регламентирующих осуществление прав и свобод, охватываемых Конвенцией, может оказаться слишком велик, чтобы этот принцип всегда служил соединительным мостом между ними.

Наш Суд всегда, когда он считает это разумным и осуществимым, стремится выработать единообразные европейские стандарты пользования правами и свободами, провозглашенными Конвенцией. Это может делаться постепенно, когда тому представится случай, и с учетом того, что наработано национальными правовыми системами.

Ссылка на эту цель содержится в Преамбуле к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В ней утверждается, что Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию:

«(...)

учитывая, что [Всеобщая декларация прав человека] имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

(...)

подтверждая свою глубокую приверженность основным свободам, которые являются основой справедливости и всеобщего мира и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которыми они привержены,

преисполненные решимости, как Правительства европейских государств, движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации, согласились о нижеследующем:»

- далее следуют статьи Конвенции.

В правовых системах континентальных государств, которые были среди тех, кто первым подписал Конвенцию, не имеется, насколько мне позволяют судить мои знания, ничего похожего на такой институт общего права, как нормы о неуважении к суду - с его суммарным производством в отношении публикаций, затрагивающих вопросы незавершенного судебного разбирательства по гражданским делам. Несмотря на данное обстоятельство, этим странам удалось обеспечить у себя авторитет и беспристрастность правосудия. Следует ли мне соглашаться с доводами о том, что условия в Англии отличны и, для того чтобы обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия, здесь приходится сохранять в неизменном виде спорный институт общего права, которому свыше двухсот лет? Мои знания и опыт, полученный за долгие годы общения с английскими судами и судьями, безоговорочно подсказывают мне, что стандарты отправления правосудия в Англии слишком высоки, чтобы на них могли оказывать влияние публикации в прессе. Должен признаться, что за это заявление меня могут счесть пристрастным. Однако во мне говорит только профессиональный судья. В этой связи я солидарен с тем, что сказал лорд Салмон.

Несомненно, высший судебный орган Англии вполне компетентен судить о том, какие меры юридического характера должны быть приняты для того, чтобы оградить независимость и авторитет судов, права сторон по делу, поддержать чистоту и гласность отправления правосудия. Однако, учитывая критерии, которыми следует руководствоваться, я, как судья Европейского Суда, чувствую себя неспособным в свете п. 2 статьи 10 Конвенции согласиться с тем, что выдача судебного приказа, запрещающего публикацию проекта статьи «Санди таймс», была необходима.

Публикация предполагаемой статьи не ставила целью вмешиваться в ход правосудия или права сторон по делу, либо предвосхищать судебное решение. Признается, что предназначенная к публикации статья была написана добросовестно и с честными намерениями, и это признается всеми. Издатель настаивал на фактической точности изложенных в ней данных, и они никем не оспаривались. Предметом статьи была участь жертв лекарства *талидомид*. Выпавшие на их долю несчастья были названы национальной трагедией. В вину компании «Дистиллерс» в статье ставилась преступная небрежность, т. к. компания должным образом не проверила действие лекарства до выпуска его на рынок, и, по-видимому, эта часть статьи вызвала наибольшие возражения. Однако дискуссии и комментарии, относящиеся к проблеме небрежности прямо или косвенно, уже освещались в прессе на протяжении почти десяти лет, а недавно стали предметом обсуждения в Парламенте, хотя и вне связи с судебным процессом. Поэтому я не приемлю тезиса о том, что компания «Дистиллерс» подверглась бы неподобающему давлению и вынуждена была бы отказаться в ходе судебного разбирательства от линии своей защиты. Если бы лекарство было должным образом протестировано до выпуска его на рынок, она легко могла бы доказать это и отразить любые обвинения в преступной небрежности.

Вызывает серьезные сомнения, было ли слушание в суде неминуемым или нет в свете продолжительной пассивности сторон в процессе.

Меры по недопущению скатывания к «суду газет», без сомнения, должны приниматься, когда в этом возникает необходимость. Но в отсутствие свидетельств о существовании подобной реальной перспективы я не желал бы руководствоваться абстрактной возможностью или действовать во имя принципа, когда нет достаточных оснований считать его применение целесообразным. Более того, как говорится в кратком изложении судебного решения, вынесенного лордом Деннингом в Апелляционном суде (п. 25 постановления Европейского Суда): «Проведения суда газетами позволять нельзя. Однако следует соотносить общественный интерес к вопросам, вызывающим озабоченность

страны, с заинтересованностью сторон в справедливости судебного разбирательства или мирном урегулировании спора; в настоящем случае общественный интерес в обсуждении проблемы перевешивает потенциальный вред, который может быть причинен какой-либо из сторон по делу... Даже в сентябре 1972 г. предполагаемая статья не представляла бы собой неуважения к суду: она являлась честным комментарием по вопросу, представлявшему общественный интерес...» Если бы намеченная публикация статьи могла с высокой степенью вероятности представлять реальный и существенный риск вмешательства или создания предвзятости при отправлении правосудия, мой ответ на вопрос № 2 был бы утвердительным.

Когда того требуют обстоятельства, несомненно, приходится искать баланс между свободой печати и других средств информации и обеспечением авторитета и беспристрастности правосудия. И то и другое - основополагающие элементы демократического общества, жизненно важные для обеспечения общественных интересов. Следует избегать любого столкновения между ними. Обязанность не допускать такого столкновения и сохранять баланс между ними лежит на судебной власти, которая руководствуется указанными в законе критериями. Вот почему я делаю акцент на элементах оценки, которые используются при применении норм общего права о неуважении к суду по отношению к прессе.

Я, может быть, повторяюсь, говоря, что настоящий Суд должен без колебаний установить в понятиях и рамках Конвенции, когда для этого будет повод, набор принципов, которые послужат путеводителем и своего рода общим знаменателем в деле соблюдения свобод и в том, что касается их допустимых ограничений.

Я не могу удержаться от заявления, что традиционные стандарты, которые строго соблюдают издатели газет в Англии, выполняя свои обязанности и осознавая ответственность перед общественностью и властями страны, можно спокойно сравнивать с теми, которых придерживаются их коллеги на европейском континенте. Поэтому трудно понять целесообразность наложения ограничений на свободу печати в Англии в большей степени, чем где бы то ни было еще, путем сохранения ставшего анахронизмом института неуважения к суду по общему праву.

И вновь, отступая от темы, я позволю себе заключить свое особое мнение следующим замечанием:

Родина Великой хартии вольностей, Билля о правах и основных принципов правосудия, нашедших воплощение в англосаксонской судебной системе и в значительной степени инкорпорированных в Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, по моему скромному мнению, может легко позволить себе либо полностью покончить с институтом неуважения к суду, либо внести дополнения в эти нормы в направлениях, указанных в докладе Комитета Филлимора.

Совпадающее мнение судьи О'Донохью

Я согласен с выводами, содержащимися в особом мнении судьи Зекиа, и с его рассуждениями по вопросам 1 и 2.

Совпадающее мнение судьи Эвригениса

Хотя я голосовал вместе с большинством Суда по всем пунктам постановляющей части судебного постановления, я считаю, что вмешательство, юридически основывающееся на решении Палаты лордов, не может рассматриваться как «предусмотренное законом» в смысле Конвенции.

Ограничения права на свободу слова, предусмотренные п. 2 статьи 10, представляют собой исключения из режима осуществления этого права. В качестве таковых они должны не только ограничительно толковаться (судебное постановление по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, стр. 21, п. 42, процитированное в п. 65 судебного постановления по настоящему делу), но также быть достаточно четко и недвусмысленно определены во внутреннем праве, с тем чтобы позволить каждому, кто пользуется свободой слова, действовать с разумной степенью представлений в отношении правовых последствий своего поведения.

Было бы трудно утверждать, что действия, предпринятые против заявителей, отвечали этому условию. Неопределенность правового института неуважения к суду в Соединенном Королевстве неоднократно вызывала критику в литературе и судебных решениях, а также в докладах различных комиссий (см. Доклад комитета по изучению вопроса о неуважении к суду, 1974, Cmnd. 5794, п. 216, подпункты 4 и 5); указанную характерную черту этого института продемонстрировала Палата лордов, применив его к настоящему случаю, путем использования принципа «предвосхищения судебного решения» (см. изданную Палатой директиву после вынесения решения). Примечательно, что, во-первых, большинство Комиссии проявило колебания с вынесением четкого определения по существу этого вопроса (доклад Комиссии, п. 205), а во-вторых, доводы, появившиеся в решении Суда в поддержку той точки зрения, что вмешательство, основывавшееся на решении Палаты лордов, было «предусмотрено законом», не слишком убедительны. Судебное постановление цитирует, в частности, два прецедента (см. п. 51 и 52). Первый из них, - *«Вайн продактс лтд.» против Грина* (1966 г.), который строился на «принципе давления», - несколько раз критиковался лордами-судьями в контексте настоящего дела. Второй, *Хант против Кларка* (1889 г.), по-видимому, никак не повлиял на мотивировку решения Палаты лордов при определении ею принципа «предвосхищения судебного решения». Поразительно, что этот принцип не послужил правовым основанием для каких-либо решений, вынесенных по этому делу английскими судами, включая решение отделения Высокого Суда, который в 1976 г., три года спустя после решения Палаты лордов, отменил судебный запрет. Следовательно, если приходится делать вывод, что принцип, оправдывающий вмешательство во внутреннее право, выглядит новым (см. статью Миллера в журнале «*The Modern Law Review*», т. 37, 1974, стр. 98), то его воплощение в жизнь высшими судами страны оказывается несовместимым с требованиями п. 2 статьи 10 Конвенции.

Конечно, никто не может пренебрегать особенностями внутренней правовой системы, в формировании которой прецедентное право традиционно было призвано играть видную роль; кроме того, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что при определении границы действия ограничений, упомянутых в п. 2 Конвенции, используются нечеткие понятия, не всегда уживающиеся с правовыми нормами поведения, которые являются совершенно четкими, определенными и предсказуемыми. Тем не менее на Суде лежит обязанность быть более осторожным, прежде чем расширительно толковать выражение «предусмотрено законом»; последствием такого толкования может стать ослабление принципа господства права, что подвергнет основные свободы, имеющие жизненно важное значение для того демократического общества, которое имели в виду составители Конвенции, риску вмешательства, которое невозможно примирить с буквой и духом данного международного договора.